

МОНИТОРИНГ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ: ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ

И.М. Клямкин
Фонд «Либеральная миссия»

Аннотация: *Продолжаем публикацию дневниковых текстов профессора И.М. Клямкина в Фейсбуке. Учитывая, что записи 2014–2017 гг. изданы недавно отдельной книгой, мы намерены печатать впредь новые тексты дневника, который И.М. Клямкин продолжает вести. В этом номере представлены записи с января по апрель 2018 г. Автор размышляет в них об особенностях политического процесса в России, проявившихся в преддверии президентских выборов и сразу после них, о логике позиционирования в предвыборной компании кандидата от власти и претендентов от оппозиции. Особое внимание уделяется предвыборным и послевыборным заявлениям В. Путина относительно безальтернативности для России технологического прорыва, без которого проблематичны обеспечение безопасности и сохранение государственного суверенитета страны. Размышляет автор и о некоторых других событиях и их социальной природе, а также об отдельных феноменах общественного сознания, проявившихся в дискуссиях с оппонентами. Как и в других своих текстах, И.М. Клямкин обсуждает текущие процессы в историческом контексте, привлекая внимание в том числе и к прежним своим публикациям в разных изданиях.*

Ключевые слова: *Россия, Украина, В.В. Путин, российская политика, политический режим.*

2018 год

О моральном центризме (10 января). Заметил, что многие пишущие критически об известных людях озабочены тем, чтобы не выглядеть предвзятыми. Обрушатся на кого-то, кто публично проповедует, по их мнению, мерзость, но не забывают выставить высокую оценку талантливости обличаемого. Расскажут о ком-то, не скрывая презрения, но не преминут заверить о своем к нему уважении. Это, наверное, такой моральный центризм, позволяющий и с противниками обличаемого солидаризироваться, и его симпатизантов не оттолкнуть.

О том, о чем нечего сказать (12 января). Спрашивают, почему отмалчиваюсь по поводу предвыборной кампании. Потому что сказать нечего. Разве что, кроме того, что ее итогом, помимо всем известного, будет, скорее всего, реформатирование политического поля на краях. Последние парламентские выборы показали, что старые либеральные партии и политики уже в истории, уже гарантированно уходящая натура. Последние местные выборы в

Москве показали, что та же судьба уготована КПРФ и ЛДПР. На предстоящем голосовании будет опробована замена тем и другим. Если получится, увидим национал-патриотический полюс с политической энергетикой и убеждениями и либерально-западнический полюс с политической энергетикой без убеждений. Первый — вместо архаики, второй — как блокиратор уличного протеста.

О кавычках (13 января). Написал о выборах, не окружив их кавычками. Получил возмущение представителя передовой общественности с пожеланием замолчать. Пожелал ему того же. На всякий случай сообщаю, что кавычки предпочитаю не употреблять. Я и о российском парламенте пишу без кавычек, и о российском рынке, и о российском праве, и о крымском референдуме. И о выборах, например, в Англии первой трети XIX века, к которым допускались четыре процента взрослого населения. А если надо что-то охарактеризовать, использую не кавычки, в которых усматриваю рудимент советской письменной политической речи, а другие слова. Ну, а те, для кого кавычки — визитная карточка прогрессизма, могли бы обратиться с протестом в международные организации, не признавшие результаты думских выборов в Крыму, или в ООН, Генассамблея которой не признала результаты референдума в том же Крыму. Их политический и грамматический стандарт почему-то кавычек не требует.

О принципе права и принципе реальности (14 января). Идеологи альтернативной цивилизации проясняют свою позицию по украинскому вопросу. Выбор, перед которым оказалось после смены руководства в Киеве российское руководство, — это, по их мнению, был выбор между принципом права и принципом реальности. Предпочтение было отдано второму, так как следование первому отозвалось бы ослаблением российской власти и российской государственности. То есть, присоединение Крыма было безальтернативным и императивным для любых лидеров любой страны, оказавшейся в такой ситуации¹.

Но пока все же ясно не все.

Не ясно, почему выбор принципа реальности против принципа права камуфлировался под выбор принципа права.

Не ясно, какие угрозы российской власти вызвали к жизни проект «Новороссия», курировавшийся помощником Президента РФ Глазьевым, и участие в войне на Донбассе, которое не мотивировали ни правовым принципом, как в случае с Крымом, ни принципом реальности, объявив само это участие реальности не соответствующим.

Не ясно, наконец, насколько перекрашивание принципа реальности в принцип права и объявление реальности участия в войне реальности не соответствующей воспрепятствовали ослаблению государства не в тактическом, а в стратегическом измерении.

Надо полагать, прояснения последуют. А может, и не последуют.

О верховной нелюбви ко лжи (18 января). От пресс-секретаря президента узнал, что президент больше всего не любит ложь и некомпетентность [Песков рассказал... 2018]. Президента можно понять: это посягательства на его властную монополию.

О близоруких и дальнорюких (18 января). Новый расклад наблюдаю среди идейно близких сограждан. На близоруких и дальнорюких. Первые живут предстоящим голосованием, вторые — тем, что будет через шесть с лишним лет. Наверное, те и другие что-то видят, вблизи либо вдали, чего пока нет. В отличие от незрячих.

О новом украинском законе (19 января). Говорят и пишут, что принятый вчера украинской Верховной Радой закон о реинтеграции Донбасса² свидетельствует о подготовке Кие-

¹ Реплика Б. Межуева в Фейсбуке 13 января 2018 г. (<https://www.facebook.com/mezuev>)

² Так в политическом обиходе именовался закон «Об особенностях государственной политики по обеспечению государственного суверенитета Украины над временно оккупированными территориями в Донецкой и Луганской областях», принятый Верховной Радой 18 января 2018 г.

ва к новой войне. Не только российские официальные лица, но и рядовые комментаторы в сети. Насколько понимаю, все как раз наоборот.

Да, Украина этим законом переводит свои действия в донбасском конфликте из режима антитеррористической операции в режим военной и легализует использование армии. Но это не значит, что она собирается вести наступательную войну. О чем свидетельствуют те самые формулировки закона, которые воспринимаются подтверждением такого намерения? Я имею в виду объявление не контролируемых Киевом донбасских территорий «временно оккупированными» Россией, ее самой — «страной-агрессором», а людей, осуществляющих на этих территориях властные функции, — «представителями оккупационной администрации». Они, формулировки эти, свидетельствуют о том, что инициирование Киевом наступательной войны будет инициированием войны с Россией. Смею предположить, что интереса в этом у Украины нет.

В чем политический и правовой смысл этого закона?

Смысл в том, что «прямые переговоры Киева с представителями ДНР и ЛНР», на чем настаивала и настаивает Москва, объявлены вне закона. И в вопросах, касающихся выполнения минских соглашений, и в вопросах относительно введения миротворцев. Смысл в том, что статус временно оккупированных территорий означает законодательно наложенный на себя Украиной запрет проводить там выборы до возвращения этих территорий под ее контроль. Смысл в том, что законодательно исключено согласие украинской стороны на участие в миротворческой миссии России, как «страны-агрессора».

Москва обвиняет Киев в разрыве с минскими соглашениями, о которых в новом законе не упоминается. Разрыва нет, есть только нежелание вводить эти соглашения в украинское правовое поле. Поэтому и контактная группа, скорее всего, будет в Минске собираться, и консультации в нормандском формате изредка продолжаться, и вашингтонский миротворец Волкер от своей миссии не откажется. Германские власти, правда, заявили, что намерены закон на предмет его соответствия «Минску-2» изучить, но не думаю, что он принимался втайне от Берлина и других заинтересованных западных столиц. Вчерашний закон ничего не отменяет и украинскую политическую позицию не меняет, а лишь придает ей правовой статус. И позиция Москвы, надо полагать, останется прежней, и позиция западных миротворцев вряд ли станет иной. Если вчерашний закон после его подписания президентом Порошенко что-то изменит, то разве что еще рельефнее выявит этих позиций непримиримость.

Если же эта непримиримость переведет конфликт в открытую военную фазу, то не по инициативе Украины. И потому, что наступательную войну с Россией ей сегодня вести не по силам, и потому, что западные союзники ее в этом не поддержат.

Глава МИД об универсальных ценностях (19 января). Чтобы не забыть: «Мы отстаивали универсальные ценности правды, справедливости, равноправного взаимоуважительного сотрудничества, а также стремились предотвратить деградацию системы мироустройства, которая сегодня серьезно разбалансирована» [Сергей Лавров открыл Америку... 2017].

О «военных» глаголах (20 января). Говорили с коллегой о моем понимании мир-войны. Это когда мир — как война. Когда между ними размыты границы. Коллега просил пояснить, как это проявляется в ментальности и проявляется ли. Сказал, что проявляется, в том числе, и в актуальном языке, передающим мироощущения мирного времени глаголами «выжить», «пережить» и «нажиться», ассоциируемыми с состояниями войн и других чрезвычайных ситуаций. И еще в том проявляется, что глагол «изжить» в отношении этого мироощущения и реальностей, его воспроизводящих, не приживается, оставаясь на периферии словоупотребления.

Об ответственности и безответственности (21 января). Пояснил бы кто из тех, кто зовет к обретению ответственности за страну и народ, попутно обличая безответственных, что под этой ответственностью понимают. Насколько могу уразуметь, прикасаться к болячкам прошлого — это безответственность: расковыривать их — не к добру, а к худу. И болячки настоящего полезнее не трогать, если не имеешь рецепта их устранения. Их, правда, все больше, того и гляди, что ничего, кроме гноящихся болячек, на теле страны и не останется уже, но и тогда, надо полагать, ответственнее будет их не трогать, а привыкать жить с ними, их не замечая. Ведь все, что с нами было и есть, наше, ничего иного не было и быть не может, ибо иначе мы уже будем не мы, уповать на что совсем уж безответственно, а потому... потому будем ответственными за все, что есть, и чему быть суждено.

О чеченских вольностях (29 января). А в Чечне дышится вольно, как выясняется. Можно приехать, погулять по улицам и постоять в пикете с плакатным призывом освободить жертву произвола местных властей³. И спокойно уехать. Кадырову есть теперь, что предьявить правозащитникам.

О символах четвертого срока (31 января). Как понял из сообщений об общении Путина с доверенными лицами, ближайшая сверхзадача страны — осознать состояние, в котором она находится, а ключевыми словами ближайших шести лет будут «рывок» и «зачистка» [Встреча В.В. Путина с доверенными лицами... 2018]. А до того, как опять же можно понять, были времена доведения до состояния, требующего рывка, и предзачисток, готовящих к зачистке полной и окончательной.

Еще о рывке и зачистке (4 февраля). Прочитав мою заметку о намечающемся новом курсе рывка и зачистки, коллеги стали думать и гадать, что это такое может быть и может ли быть вообще. Какой рывок и куда? Кого и что зачищать?

Про рывок президент вроде бы объяснил: «Нам нужно понимать, что без современного здравоохранения, образования, инфраструктуры, без современной науки, без современных технологий — без робототехники, без генетики, без биологии — нам просто невозможно будет сохраниться» [Там же]. Это не риторика выживания ценой развития. Это о том, что без развития не выжить. Что-то похожее на «Отечество в опасности».

Это состояние, переживаемое страной, ей и предлагается осознать. А кто не осознает, тех зачистят. Как именно, тоже вроде уже не секрет. Во-первых, перекрытие посредством механизмов «диктатуры закона» доступа к власти противникам власти со стороны улицы. Во-вторых, отмеченное уже некоторыми экспертами преобразование фаворитизма в безличное бюрократическое правление, осуществляемое отобранными правителем руководителями в центре и на местах и лично ему обязанными своей карьерой. В-третьих, исключение политики этих людей независимо от того, назначенные они или выборные.

Обеспечит ли такая зачистка обещаемый и объявленный безальтернативным рывок? Думаю, что не обеспечит. Потому что для него нужны соответствующие мотивации, которые одной лишь зависимостью от верховного начальства не стимулируются. Откуда им взяться в бюрократическом классе, по своей природе тяготеющем не к рывкам, а к консервации статус-кво, да к тому же совсем не веберовском в смысле установки на правовую рациональность? Откуда взяться им в лишенном субъектности обществе, даже если оно осознает вдруг состояние, в котором оказалось?

О гниении, эволюции и революции (5 февраля). Продолжаю наблюдать самопрезентации современных российских консерваторов. Косерватизм некоторых из них в том, что они за развитие без революций и обрушения государства. По мне, так это ответ на спрятанный от мысли вопрос. А потому и не ответ.

³ 28 января 2018 г. кандидат в президенты РФ К.Собчак провела в Грозном одиночный пикет в защиту арестованного чеченского правозащитника Оюба Титиева.

История, бывает, понуждает людей выбирать не между революцией и эволюционным развитием, а между революцией и прогрессирующим гниением. Выбор неприятный, от него хочется увильнуть, что вольно либо невольно влечет к апологии гнильи и персонифицирующих его правителей. Или к скрываемому от публики недовольству этими правителями, которые должны и могут гниение остановить, но почему-то не останавливают. Может, и потому, что и сами консерваторы им помочь советом не могут по причине неведения о том, что именно посоветовать.

Это в тех случаях, когда такие консерваторы мыслят об актуальном. Применительно же к прошлому столетней и более ранней давности они чувствуют себя в политической критике свободнее, рассуждая о том, какие прекрасные были возможности губительных революций избежать, успешно развиваясь без них, но...но правители оказались не те, и потому все загнули. Правда, мыслями своими о том, как тем правителям следовало себя вести, дабы революцию исключить и государство от обвала удержать, и в этом случае предпочитают не делиться.

Из чего делаю вывод: главная и единственная мысль определенной разновидности сегодняшних российских консерваторов в том, что в России всегда были и есть возможности развиваться без революционных катаклизмов, а если этого не происходит, то по причине несоответствия этим возможностям правящего класса. Но коли возможности у страны есть, а у правящих ею их нет, то какие ж это возможности? Не прячется ли в этой логике та самая идея революции, которую пробуют вытеснить из мышления антиреволюционными декларациями?

Я не к тому это все, что революция — благо, а эволюция — зло. Я к тому, что революция, если она не «бархатная», именно зло. Однако и гниение социальной и культурной ткани тоже есть зло, но без идеализма, без пафоса справедливости и гражданской доблести. И само по себе, и потому, что не уберегает от революционных потрясений, а их стимулирует. Между тем, нынешняя консервативная мысль не только в отдельных, но едва ли не во всех ее проявлениях норовит растворить это гниение в абстрактном утверждении преимуществ эволюции перед революцией, рефлексией о направленности текущей эволюции себя не обременяя.

О смертельном компромиссе (8 февраля). Похоже, крымский вопрос добивает российский политический либерализм. Который хочет отделить себя от «крымнашизма», исходящего от власти, прислоняясь к «крымнашизму» ее подданных, от власти себя не отделяющих. И это уже почти факт, что либерализм этот замыкается на кандидата в президенты, призывающего решить судьбу полуострова на совместном российско-украинском референдуме⁴. Учитывая более чем тройное численное превосходство российских избирателей над украинскими, идея новаторская. Тем более, что кандидат в президенты выступает от имени европейских ценностей и с заявкой на европеизацию России. И не так уж важно, от политического дилетантизма заведомо абсурдная идея эта или от цинизма, не знающего берегов. Важно то, что многие воспримут ее приемлемым компромиссом с реальностью, продляющим русскому либерализму жизнь, а не приговаривающим его к позорной смерти.

О российском цивилизационном коде (10 февраля). По рекомендации друзей послушал телепередачу «Что есть цивилизационный код России?» в программе «Что делать?» [Что есть цивилизационный код России... 2018]. У меня к этой теме давний повышенный интерес. В ФБ-беседах с идеологами и пропагандистами альтернативной цивилизации удовлетворить его до сих пор не удалось, поэтому стал смотреть.

Собравшиеся в студии⁵ были единодушны в том, что российская цивилизация православная. Некоторые уточняли: «цивилизация, принадлежащая к восточно-христианской по-

⁴ 7 февраля 2018 г. провести такой референдум предложила, выступая в Вашингтоне, кандидат в президенты России К. Собчак [См.: Собчак предложила провести референдум... 2018].

ловине Европы, к восточно-римской империи». А этой принадлежностью России объективно задана миссия — осуществлять «имперские действия неовизантийского характера на пространствах Восточной Европы — освободительные, а не завоевательные». Задана обязанность быть «освобождающей империей высочайшей культуры». Чему она стремилась всегда соответствовать, и к чему призвана и впредь.

Против этого никто из участников передачи не возражал, с этим все были согласны. Как и в том, что русский народ к исполнению объективно заданной ему миссии субъективно расположен. Ибо ему органически присуща «мессианская жертвенность ради спасения мира» и готовность принять страдание, как принял его, спасая мир, Христос. О «всемирной отзывчивости» тоже, разумеется, не забыли.

А вот по более конкретным характеристикам народа, касающимся его образа жизни, согласия не обнаружилось. Суждение о том, что солидарность свойственна русским не только в желании освобождать других, но и в отношениях между собой, поддержки не получила. В ответ на упоминания об общинности, соборности и коллективизме последовали напоминания об индивидуализме и атомизированности, после чего эти взаимоисключающие утверждения пробовали сочленить в констатации двойственной природы русской культуры, в разное время по-разному проявляющейся. Когда войны и другие опасности, доминирует солидарность, а когда мир, тогда бал правят индивидуализм и атомизация. Поэтому звучали пожелания насчет обучения жизни в мирном времени, как и насчет обретения чувства времени и изменения во времени, подавленного понятием о движении исключительно в пространстве. И еще сожаления относительно благотворного, но одностороннего превалирования в культуре установки на соответствие сознания и поведения неким предельным духовным сущностям над внешними упорядочивающими формами — в том числе, правовыми. Но относящееся к тому, что в цивилизационном коде отсутствует, осталось на периферии обсуждения. А в центре внимания была миротворительная миссия России и особая духовность, такой миссии соответствующая.

Я не стал бы, однако, об этой передаче писать, не произойди в ней сбой, к которому участники, насколько могу судить, оказались не готовы. Ведущий спросил, почему же народ России настроен спасать других, более благополучных, будучи собственным благополучием не озабочен? Ему пробовали было отвечать, что именно таков цивилизационный код православной «цивилизации бедных», цивилизации нестяжателей. А в ответ получили новый вопрос о том, почему же народ-нестяжатель терпит над собой элиту, в нестяжательстве никогда не замечавшуюся? Или стяжательство элиты, паразитирующей на культивируемой ею нестяжательности народа — это и есть российский цивилизационный код?

Задавайте почаще такие вопросы идеологам и пропагандистам альтернативной цивилизации.

Еще о цивилизационном коде (12 февраля). Дискуссия по поводу российского цивилизационного кода, о которой я рассказал в предыдущей заметке, вызвала множество негативно-насмешливых откликов. Но она ведь не на пустом месте возникла, она симптом каких-то процессов в головах отдельных интеллектуалов. Каких же?

Страх перед спонтанно-органическим производительным развитием Россия предпочла когда-то вытеснить и заменить страхом перед властью, наделенной монополией на поддержание состояния выживания и — при угрозах ему — механическое принуждение к развитию

⁵ В передаче участвовали А.Козырев (заместитель декана философского факультета МГУ), А.Новиков-Ланской (заведующий кафедрой политической и деловой журналистики РАНХ и ГС при президенте РФ), В.Рас-торгуев (профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ), Р.Рахматулин (писатель, страновед), А.Щипков (доктор политических наук, советник председателя Государственной Думы РФ). Вел передачу В.Третьяков.

ради выживания. Здесь, в этой точке и есть смысл искать корни альтернативной цивилизации и отдельных проявлений ее природы на верхних и нижних этажах социума. Страх перед спонтанностью сохраняется и поныне, а возможности замены ее властной механикой близки к исчерпанию. В такой ситуации поговорить про цивилизационный код и его сохранение — самое время.

Но, как выясняется, договориться не получается даже насчет того, что этот код собой представляет, и даже у тех, кто в его наличии и безальтернативности его сбережения твердо убежден.

Об одной президентской программе (14 февраля). Как думаете, из чьей политической программы извлечены эти тезисы?

- Наша первая и самая главная проблема — ослабление воли. Потеря государственной воли и настойчивости в доведении начатых дел. Колебания, шараханья из стороны в сторону, привычка откладывать самые трудные задачи на потом.

- Пора, наконец, вступать в прямой контакт с проблемами. И в первую очередь — с самыми опасными из них. С теми, которые нас все время тормозят, не дают экономике дышать, государству — развиваться. Говоря прямо — угрожают всему нашему дальнейшему существованию.

- Уклоняться от них и дальше — много опаснее, чем принять вызов. Люди не верят обещаниям, а власть все больше теряет лицо. Государственная машина разболтана, ее мотор — исполнительная власть — хрипит и чихает, как только пытаешься сдвинуть ее с места. Чиновники «двигают бумаги», но не дела, и почти забыли, что такое служебная дисциплина. В таких условиях люди, конечно, не могут дальше рассчитывать ни на силу закона, ни на справедливость органов власти. Только — на себя. Тогда зачем им такая власть?

- Наша другая большая проблема — отсутствие твердых и общепризнанных правил. Как и любой человек, общество не может без них обходиться. А правила в государстве — это закон, это конституционная дисциплина и порядок. Это безопасность семьи и собственности гражданина, его личная безопасность и уверенность в неизменности установленных правил игры.

- Государству здесь придется начать с себя. Оно должно не только устанавливать равные правила, но и соблюдать их. Только так добьемся от каждого выполнения единых, определенных законом норм поведения. В неправовом, а потому — слабом государстве человек незащищен и не свободен. Чем сильнее государство, тем свободнее личность. При демократии ваши и мои права ограничены только такими же правами других людей. На признании этой простой истины и строится закон, которым должны руководствоваться все — от представителя власти до рядового гражданина.

- Но демократия — это диктатура закона, а не тех, кто по должности обязан этот закон отстаивать. Думаю, нелишне напомнить: суд выносит решения именем Российской Федерации и обязан этому высокому имени соответствовать. Милиция и прокуратура должны служить закону, а не пытаться «приватизировать» данные им полномочия с пользой для себя. Их прямая и единственная задача — защита людей, а не ложных представлений о чести мундира и своих ведомственных интересов.

- Мы уже много лет говорим о государственном регулировании экономики. При этом понимаем его по-разному. Но суть этого регулирования не в том, чтобы душить рынок и расширять бюрократическую экспансию в новые отрасли, а, наоборот — помочь ему встать на ноги. Люди вправе требовать защиты от того, что их бизнес приберет к рукам бандитская группировка. Вправе требовать соблюдения правил честной предпринимательской конкуренции. Все субъекты хозяйствования должны быть поставлены в равные условия. А государ-

ственные институты недопустимо использовать в интересах клановой или групповой борьбы.

- Наш приоритет — строить внешнюю политику, исходя из национальных интересов собственной страны... Надо признать верховенство внутренних целей над внешними. Мы должны, наконец, этому научиться... Нет и не будет державной силы там, где правят слабость и бедность. Пора понять: от успешного решения собственных внутренних задач напрямую зависит и наше место в мире, и наша зажиточность, и наши новые права [Путин 2000].

Об изменившемся времени (16 февраля). Наступление российских контрактников в Сирии и гибель многих из них под американскими бомбами и снарядами перевело Россию в новое для нее время. Прежнее, начавшееся в Крыму и продолжавшееся на Донбассе и в Сирии, остановлено. Посткрымское время стало постпосткрымским. Это можно не сознавать или, сознавая, об этом умалчивать, но это так. Обосноваться в таком времени будет непросто, а выбраться из него еще трудней. В воронке непросчитанных военно-политических импровизаций двигаться больше некуда, в ней можно только бесперспективно застрять. Или ресурс импровизаций еще не исчерпан?

О потребности в самообмане (18 февраля). Продолжают поругивать понятие ментальности. Пустое, мол, оно, ничего к нашему пониманию общества не добавляет, а нашу установку на его изменение парализует, внушая представление о какой-то неодолимой преграде. Либерализму, демократии и другим хорошим вещам. Нет таких преград ни в одной стране, кроме отсутствия воли к переменам. А волю можно обрести. Правда, чтобы обрести, нужна воля к воле, а таковая может обретаться не хотеть. И призывами к обретению не возбуждаться. Как же назвать то, что в такой необретаемости себя обнаруживает? Получается, что нечто есть, а названия ему нет, а потому и его как бы тоже нет.

Да, время от времени нечто похожее на политическую волю в людях возбуждается. Однако потом выясняется, что это нечто возбудилось не потому, что общество возжелало обрести субъектность, а потому, что вознамерилось делегировать ее кому-то одному, знающему, как этой субъектностью распорядиться лучше, чем распоряджались до него. Но опять же не очень понятно, что это есть такое, понуждающее публику от обретенной воли к воле освобождаться. Феномен вроде наличествует, но что в нем проявляется? Пусть не ментальность, пусть что-то-другое, но что именно и как оно называется?

Никак не хотят называть. Возможно, потому, что название придает названному статус реальности, с которой предстоит считаться, если настроен ее изменять. В том числе, и с тем, насколько податлива она к переменам, а если податлива, то к каким. Если же считаться не хочется, а менять хочется, можно реальность умственно поменять, изъяв из нее нужным переменам препятствующее. Вместе с терминами, препятствия обозначающими.

Что, кстати, тоже проявление определенной ментальности. Но не той доминирующей, которая переменам противится, а той локальной, которая ради поддержания оптимизма от такого противления эту доминирующую ментальность освобождает.

О том, что хорошо и плохо (21 февраля). Коллега спросил, для всех ли хороши демократия и либерализм. Ответил, что хороши для тех, кто считает их хорошими, а для тех, кто считает иначе, они плохие и вредные. А по-разному считают потому, что разная та самая ментальность, которую многие воспринимают словесной пустышкой. Она ведь и есть не что иное, как сложившийся в культуре образ правильного и, соответственно, неправильного социального порядка.

О событиях четырехлетней давности (22 февраля). Четыре года назад в Украине сменилась власть — Верховная Рада констатировала невыполнение президентом Януковичем его конституционных обязанностей и назначила дату внеочередных президентских выборов. В Москве постановление украинского парламента назвали антиконституционным го-

сударственным переворотом, о чем напоминают миру и четыре года спустя, упрекая Европу и США в его поддержке. И не вспоминают о том, что Верховная Рада мотивировала свое решение неисполнением Януковичем его служебных обязанностей.

Вечером 21 февраля он покинул Киев, предупредив об этом президента России и никому не сообщив в собственной стране. Его отъезд обрушил исполнительную власть: кого-то из высших должностных лиц он увез с собой, кто-то покинул Киев раньше. Милиция, оставшись без начальства, разбежалась.

О своем местопребывании Янукович, находившийся в Харькове, не сообщал, на проходившем там в тот день форуме представителей украинского Юго-Востока замечен не был, ибо был заранее оповещен, что слово на форуме ему не предоставят, а его бездействие, как президента, влекло страну в состояние безвластия. Что должна была делать в такой ситуации, украинской Конституцией не предусмотренной, Верховная Рада? Она, включая большинство депутатов от партии Януковича, с руководством которой он тоже не выходил на связь, отметила его фактическое самоустранение от выполнения должностных функций, сформировала временную государственную власть и объявила о проведении досрочных президентских выборов.

Такой вот антигосударственный переворот. Как нужно было вести себя четыре года назад подлинным украинским государственным деятелем, в Москве не говорили и не говорят.

О фактах и убеждениях (23 февраля). Написал вчера об украинских событиях 22 февраля 2014 года (смена власти в Киеве после бегства Януковича). Получил прекрасную возможность наблюдать феномен постправды в разных исполнениях. Воспроизвожу одно из них. Потому воспроизвожу, что феномен этот, судя по реакции некоторой части высокообразованной публики, типичен не только для массового, но и для продвинутого сознания. Не думаю, что тут просто продукт успешной пропаганды. Думаю, нечто более глубокое и органичное. О чем нелишне иметь достоверное представление.

Моисей ГЕЛЬМАН. Игорь, вы упустили, что описанным вами событиями предшествовали вооруженный захват ряда госучреждений и невыполнение странами-гарантами подписанного соглашения, после чего Янукович скрылся.

Игорь КЛЯМКИН. Судя по тому, что написали, Вы совершенно не в теме.

Моисей ГЕЛЬМАН. Игорь, вооруженный захват националистами ряда госучреждений состоялся на следующий день после подписания соглашения о новых выборах. Гарантами соглашения выступили Германия, Франция и, кажется, США. После этого Янукович уехал из Киева. Что в этом ошибочного?

Игорь КЛЯМКИН. Он уехал в тот же день. Какие захваты этому отъезду предшествовали?

Моисей ГЕЛЬМАН. Соглашение подписали накануне вечером. Но речь о том, что вы умолчали о причине бегства Януковича.

Игорь КЛЯМКИН. Соглашение подписали утром 21-го. Вечером того же дня уехал. Перед отъездом сообщил Путину, что в Киеве все спокойно.

Моисей ГЕЛЬМАН. Игорь, если вам так больше нравится, пусть будет так. Все равно уже ничего не изменится. И по поводу решения Рады вы ошиблись... Но самое важное, вы почему-то умолчали о причине бегства Януковича — невыполнении странами гарантий подписанного сторонами соглашения. Так что не стоит бросаться обвинениями «не в теме».

Игорь КЛЯМКИН. Я на таком уровне — «если Вам так больше нравится» -- не общаюсь. Есть что возразить, возражайте. Я же ясно написал, что уехал именно в день подписания. Что именно не выполнили в ЭТОТ день гаранты? Настаиваю на том, что именно не в теме.

Моисей ГЕЛЬМАН. Игорь, я уже пояснял выше причину бегства Януковича, которую вы проигнорировали, — это захват после подписания мирного соглашения сторон националистами госучреждений и невыполнение при этом гарантий Германией, Францией и США этого мирного соглашения. Если подписали соглашение ночью, то уехал Янукович в тот же день, а если подписали накануне вечером, то уехал на следующий день. Разница невелика. Но причину его бегства вы почему-то умалчиваете. Так что зря обижаетесь. Ошибаться все могут.

Игорь КЛЯМКИН. Подписали не ночью и не вечером, а утром 21-го. Янукович уехал в тот же день вечером. Перед отъездом сообщил Путину, что собирается в Харьков на форум представителей украинского Юго-Востока. А также о том, что в Киеве все спокойно, ни о каких захватах не упоминал. Сколько можно повторять?

Коллега из дискуссии вышел, но почти уверен, что убеждения его остались непоколебленными.

О новизне предстоящей акции (24 февраля). Обсуждают новизну акции, именуемой президентскими выборами. Новизна налицо. Внезапно консолидировавший антирежимно настроенную молодежь и обретший политическую силу альтернативный вождизм от политики принудительно отсечен и новаторски замещен приводным ремнем от власти к оппозиционному антирежимному избирателю. Такого еще не было. Осталось посмотреть, как этот избиратель к этому ремню отнесется, и какие перспективы перед ним откроет.

О возможностях (26 февраля). Спорят о возможностях в стране перемен. Конечно, возможны. Столетиями только и были, что перемены, их и на наших глазах не одна и не две случились. Вопрос в том, возможен ли выход за границы прежних возможностей. Я не о силе тех, чей интерес в удержании этих границ, а о потенциале тех, кому они тесны. Кто они? Насколько их много? А главное — чего хотят и что смогут, став вдруг властью?

О жизни и смерти (28 февраля). Первый раз это ощущение появилось, когда академик РАН предложил увеличить списки избирателей за счет погибших в войне с нацизмом. Ощущение размывания грани между жизнью и смертью. Второй раз оно вернулось после истории с наемниками из «Вагнера» в Сирии — то ли были они там, то ли нет, то ли посылали их в атаку, то ли нет, то ли многие там погибли, то ли не многие, то ли живы, то ли мертвы. А теперь вот дипломаты выступили в роли торговцев кокаином, тоже на свой лад сближающим жизнь со смертью. Мамардашвили когда-то назвал тоталитаризм состоянием между ними. А посттоталитаризм — это, похоже, уже не «между». Это гибрид жизни и смерти, который незаметно становится новой обыденностью.

Об отстающем лидерстве (2 марта). В некотором смятении пребываю после вчерашней речи президента [Послание Президента... 2018]. Россия вроде бы впереди планеты по ракетам, что вроде бы свидетельствует об ее технологическом лидерстве. И она же — перед угрозой потери суверенитета из-за технологического отставания, преодолимого только мобилизационным прорывом. Как это так?

Понимаю так, что речь идет о лидерстве или как бы лидерстве в границах уходящего технологического уклада и пребывании в стороне от уклада приходящего, создаваемого в других местах. А какое еще может быть понимание?

Но если так, то прорыв предстоит осуществить такой, какого России осуществлять еще не доводилось: она успешно проявляла себя в обновлении уже сложившихся не в ней технологических укладов, но никогда — в прорывах к укладам новым. Вот на этот перспективный вызов, воспринимаемый угрозой безопасности и суверенитету, сегодня гарантированным, президент и обещал ответить.

Как ответит — пока не сказал. Пока только призвал ответить вместе с ним.

О завышенных планах (3 марта). Посмеиваются над громадьем очередного шестилетнего плана действующего и будущего президента. Не замечают почему-то, что его планы изначально не ориентируются на выполнение, на что мне приходилось уже обращать внимание. Притом, что и сам президент на сей счет тоже не раз проговаривался.

Его метод планирования — завесить цель до недостижимости, чтобы сильнее мотивировать на приближение к ней. Что-то похожее на стратегию, изобретенную в первую советскую пятилетку. Разумеется, без крайностей, вроде объявлений невыполненного досрочно перевыполненным. Или выборочным зачислением в ряды вредителей одних ради воспитательного воздействия на других. Но срывы планов, как и в старые времена, не афишируются.

А если срываются очень уж впечатляюще, то виновником объявляется кризис. То есть, стихия, никаким планам не подчиняющаяся, считается с ними не намеревающаяся и виновных не предполагающая. А если предполагающая, то не в стране, а за ее рубежами. И чего тогда смеяться над прожектами, коль они не от заблуждений, а от осознанной установки на прожектирование? Их функция — удерживать в тонусе и подстегивать административную мотивацию, любую иную сдвигая на экономическую периферию.

Если уж над чем смеяться, то над этим. Если смешно.

Еще о технологическом прорыве (4 марта). Долго дискутировали последние дни о президентском призыве к технологическому прорыву, объявленному императивным из-за угрожающего безопасности страны и ее суверенитету технологическому отставанию [Там же]. Исхожу из того, что перед Россией сегодня и в обозримом будущем два вызова, на которые у нее нет ответа.

Один из них исторического масштаба, проистекающий из исчерпанности ресурса догоняющих военно-технологических модернизаций при сохранении или даже обновлении форм традиционной политической системы. Эти модернизации осуществлялись на двух опорах: заимствовании зарубежных достижений после обнаружения их военного потенциала и принудительной мобилизации населения на технологический рывок. Сегодня ни то, ни другое не воспроизводимо.

Потому что неизвестно, что именно заимствовать. Неизвестно, какое новшество может обернуться неотвратимой угрозой. И эта новая опасность осознана, она ощущается в политическом воздухе. Ее осознание улавливается и в руководящих предупреждениях о грядущей роли искусственного интеллекта, овладение которым превратит владельца во властелина мира, и в упомянутых констатациях технологического отставания, грозящего безопасности и суверенитету страны. Оно улавливается и в призывах к технологическому прорыву, и в заявлениях о том, что прорыв этот, в отличие от прежних, должен быть не догоняющим, а перво-проходческим.

Убежденность в неуязвимости, обеспеченной ракетно-ядерными арсеналами и другим техническим наследством советского индустриализма, начинает терять силу, подтачиваемая непросматриваемостью технологического будущего и опасениями быть застигнутым им врасплох. Можно подпитывать эту убежденность у доверчивого народонаселения компьютерными картинками, свидетельствующими о растущей боевой мощи и даже о превосходстве. Но в сочетании с одновременным призывом к технологическому прорыву такие демонстрации не в состоянии скрыть обеспокоенность уже потому, что речь идет о прорыве к тому, что призывающим неизвестно.

Второй вызов, наложившийся на первый и обостривший его остроту, — ситуативный. Он рукотворный, т. е. производный от российской геополитики последних четырех лет. И на него, как и на первый, у властей нет ответа. Образ державного могущества, поддерживающий их легитимность, не позволяет отступать им ни в крымском вопросе, ни в донбасском,

ни в сирийском. Но и образ Запада в его собственных глазах не позволяет ему отступить перед российским вызовом мировому правопорядку.

Итожим. Время догоняюще-принудительных военно-технологических модернизаций для России ушло. Это голос истории, и он, кажется, услышан. Параметры, возможности и угрозы нового технологического уклада, формирующегося на наших глазах при осознанном в России отставании от его темпов, еще не прояснились, а потому не понятно, в чем догонять в первую очередь, и что заимствовать. Когда придумали паровую машину, ткацкий станок или танк, было понятно. Когда изобрели и испытали атомную бомбу, было понятно. А сейчас нет.

Да и будь понятнее, возможность заимствований отсечена российской геополитикой. И что же тогда означает призыв к технологическому прорыву? Формирование нового технологического уклада в отдельно взятой стране при опоре на собственные силы?

Если так, то нам предстоит пережить второй, после 1917 года, опыт отечественного и мирового первопроходчества.

О хуле и хвале коллег (5 марта). Два предыдущих дня коллеги обсуждали литературное качество моих писаний. Одни ругали, другие защищали, а порой и похваливали. Пока не решил — огорчаться или предаться чувству глубокого удовлетворения. С одной стороны, обидно. С другой — раз спорят, значит, есть о чем. Поиск срединной реакции начинаю с благодарности тем и другим за внимание.

О самобытном прогрессизме (6 марта). Вспоминаю, как в пору застоя помощники-прогрессисты генсека норовили вписать в его доклады слова, которые могли бы служить политическим прикрытием для спонтанных общественных инициатив. Их тогда много было — и в экономике, и в культуре, они возникали и подавлялись, а их защитниками и должны были, по замыслу прогрессистов, становиться руководящие указания вроде того, что без активной общественной деятельности нет и не может быть коммунистического воспитания. Понятие «деятельность» тогда, кстати, было модно в оппозиционных идеологическому официозу философских и других гуманитарных кругах, оно концептуально легитимировало свободную личность и творчество. Большой эффективности этот способ защиты не обнаружил, все, чему суждено было быть уничтоженным, уничтожалось, но сопротивляться какое-то время мог помогать, предоставляя людям, переходящим границы предписанной рутины, легальный язык для обоснования лояльности.

Такому раздвижению рамок дозволенного суждено было пережить свой триумф при Горбачеве, а в 90-е оно исчезло за ненадобностью. Чтобы потом возродиться при президенте Медведеве, сообщившем, что свобода для него лучше несвободы. И его цитировали все, кто хотел свои мысли и действия, лояльность которых у кого-то вызывала сомнения, представить совпадающими с официальными установками.

Как и в 70-е, впечатляющей результативности метод не явил. А пишу об этом потому, что и президент Путин на днях обещал в ближайшие шесть лет расширять пространство свободы. Однако большого энтузиазма и обильного цитирования теперь что-то не заметно. Разве что Кудрин сразу благодарно отозвался, а больше вроде бы никого обещание не возбудило.

Может, именно это текущей ситуации и адекватно.

О простоте и сложности в политике (7 марта). Президент России доволен американским президентом («с ним можно договариваться») и разочарован в американской политической системе («у меня разочарование совсем не в партнере, все больше в самой системе»)⁶. В самые напряженные часы Карибского кризиса Хрущев тоже сетовал на неэффектив-

⁶ Из интервью В. Путина В. Соловьеву в фильме «Миропорядок — 2018» [См.: Соловьев 2018].

ность этой системы, узнав о том, что Кеннеди в своих решениях не свободен, что вынужден оглядываться при их принятии на общественное мнение, конгрессменов, военных. А Трамп Путину нравится, возможно, и потому, что и того доставшийся ему американский институциональный порядок раздражает не меньше.

Это старое, очень старое соперничество двух типов систем. Польский король Стефан Баторий завидовал Ивану Грозному, которому не надо было постоянно выпрашивать у подданных деньги на войну, как Баторию у капризного шляхетского сейма. Что не помешало польскому монарху в войне с московским царем преуспеть. А американская система, казавшаяся неэффективной советскому лидеру, не помешала ей преуспеть в противоборстве с системой советской.

Простые механизмы принятия решений, включаемые свободной властной волей правителей, могут казаться преимуществом, а обладание ими даже вызывать зависть у лидеров, чья воля сдерживается множеством институтов и процедур, но стратегически сложность до сих пор обнаруживала перед простотой превосходство. Вызовов этой сложности было немало, сейчас очередной. Пока она сопротивляется.

Постправда о Донбассе из первых рук (7 марта). Чтобы не забыть: «**Наших войск там нет. Вооружений там достаточно, а на вопрос, откуда там берется вооружение, я всегда отвечаю: „Там, где одна сторона берет, там всегда появится возможность и у другой стороны“**» [Соловьев 2018].

О претенденте на новый термин (8 марта). Судя по скорости распространения, «нас(их)тамнетство» и слова производные смогут вскоре претендовать на попадание в словарь. Что-то примерно так: нас(их)тамнетство — феномен всем известного присутствия кого-то где-то, присутствующим называемого отсутствием.

Об игре вдолгую (8 марта). Президент России сообщил, что западные санкции за Крым предвидел, признал, что страны, санкции установившие и поддерживающие, «выработали очень правильную тактику и в известной степени своих целей, конечно, добиваются», но заверил соотечественников в том, что «мы все равно вдолгую выиграем» [Там же]. То есть, оппонентам могут сопутствовать тактические успехи, но позиция России сильнее стратегически, а потому и победа может быть только за ней.

А победа, судя по официальной риторике, — это переговоры и договоренности о возвращении к докрымскому мировому порядку и докрымским отношениям между Москвой и западными столицами не только с сохранением Крыма за Россией, но и завершением донбасской войны на ее условиях. А уверенность в победе — из надежды на выносливость населения и его готовность платить за эту победу цену, для оппонентов неприемлемую. Так понимаемое величие народа и воспринимается неиссякаемым стратегическим ресурсом для игры вдолгую. Который одновременно и ресурс устрашения противника чужой и чуждой ментальностью с размытыми границами между нормами мирного и военного времени, легко возбуждаемой военной риторикой и демонстрируемым превосходством в военно-технической силе.

Вот на это, как понимаю, и ставка в наблюдаемой игре на обострение — в ответ на расширение Западом санкций — политической конфронтации с ним и переводе ее на язык холодной войны в расчете на преимущество в крепости нервов. Однако ресурс ресурсом, но успех в холодных войнах России пока не сопутствовал, хотя стратегиями, которые считала самыми надежными, она себя временами оснащала.

О величии России (9 марта). Чтобы не забыть: «**Что такое величие страны? Вот один из военно-политических деятелей прошлого российских (маршал, по-моему, его звание) XVIII века — он как-то сказал: „Россия имеет те неоспоримые преимущества перед другими странами потому, что она напрямую управляется Богом. А если это не**

так, то непонятно, как она вообще существует“» [Там же]. (Близкий к оригиналу пересказ высказывания российского генерал-фельдмаршала немца Х.Миниха. — И.К.).

О том, чему почему-то верят (9 марта). Чтобы не забыть: «Нужно занимать постоянно, всегда принципиальную, честную и открытую позицию. Если — это и с людьми в жизни так, и в международных делах — все наши партнеры знают, что мы их не обманываем, не вводим в заблуждение, не пытаемся их как-то надуть, у нас есть позиция, с которой можно спорить, можно не соглашаться, но она понятна, прозрачна и стабильна, тогда с этим можно работать. Это вызывает доверие. Это вызывает уважение, в конце концов. И это база для сотрудничества» [Там же].

Об общих местах (10 марта). Удивительно столь распространенное в сети желание воспроизводить от своего имени общие места. Удивительно, потому что это добровольные свидетельства об отсутствии мышления. Какие бы политические чувства этими общими местами ни афишировались.

Об инновациях и рисках (10 марта). Прочитал стенограмму заседания под председательством Путина наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив [Заседание наблюдательного совета... 2018] — есть такая структура, шесть лет назад создана. Говорили про технологический прорыв, к которому призвал президент. Читая такие материалы, всегда стараюсь удерживать интересующий меня угол зрения. Он же вопрос: какими механизмы могут обеспечить создание инновационной среды при сложившейся в стране государственно-управленческой системе?

Выступавшие на заседании подробно рассказывали о том, что за прошедшие годы сделали, что делают и намеряют сделать, дабы технологический рывок состоялся. А один из докладчиков сказал, что с рывком этим могут быть проблемы. Они, как понял, в том, что в существующую систему привносятся ориентированные на формирование инновационной среды западные организационные формы, которые для Запада уже не новые, там они «обслуживают уже уходящий технологический уклад». Так поступают, чтобы избежать риска. Но так никакого прорыва не получится, так получится растущее отставание. Для прорыва «нам нужно не избегать риска, а инвестировать в риск».

Но в том ли только дело, что берут устаревшие формы? Не слышно что-то, чтобы и уходящему технологическому укладу они сообщали в России динамику, которую придавали в местах, откуда заимствуются. И не потому ли не придавали и не придают, что в тех местах эти формы, как им и предписано, риски поощряли, а в наших краях, где их предписано исключать, поощрять переставали? Вот и думаю, возможно ли вообще привнесение в российскую государственную систему организационных форм, мотивирующих на управленческий и предпринимательский риск?

На заседании этот вопрос интереса не вызвал — ни у выступавших, ни у председательствующего.

О юбилее нашумевшего текста (13 марта). «На этом стоим и будем стоять. Принципы не подарены нам, а выстраданы нами на крутых поворотах истории Отечества» [Андреева 1988].

Так завершилось политическое произведение, опубликованное ровно 30 лет назад и мгновенно прославившее ее автора — ленинградского химика Нину Андрееву. Ее статью, называвшуюся «Не могу поступаться принципами», оппоненты назвали «манифестом антиперестроечных сил», что было и верно, и неверно. Верно потому, что принципом, защищавшимся автором, был подвергавшийся перестройке советский социализм. Однако его не только защитить было нельзя, но и перестроить. Эту форму российская государственность должна была сбросить. Реформаторы думали, что преобразовывают конкретную форму, но преобразовать ее им было историей не дано, и они ее, того не желая, сбрасывали, чтобы после них

другие люди могли заменить ее другой. О том, разумеется, не догадываясь, но, если бы могли догадаться, не стали бы реформаторами. Им суждено было перестраивать систему, но не дано было ее перестроить. А их преемники, от них отмежевавшиеся, государственную систему как раз и перестроили, причем в духе тех же принципов государственностроения (кроме отброшенного социализма), которые защищала Нина Андреева.

Время меняет смыслы текстов.

О вере в свято место, которое пусто (14 марта). Заметил походя, что советский социализм перестроить в иной социализм было нельзя. Тут же от нескольких коллег получил напоминание о Китае: можно было, окажись в СССР свой Дэн Сяопин. Пробовал выяснить, что же этот «свой Дэн» должен был делать, чтобы превратить советский социализм из застойного в динамично развивающийся — то же, что в Китае или что-то другое? Как понял, такими вопросами коллеги не задавались. У них сложилось убеждение до и без обдумывания. Даже исторические задачи, стоявшие перед двумя социалистическими странами, желая сопоставить не обнаружилось, не говоря уже об их исторических особенностях. Главное, что там и там был социализм, в одном случае его успешно преобразовали, а в другом — погубили, потому что в одном случае был правильный вождь, прозревший неведомый ведомым правильный путь, а в другом такового не оказалось. Почему, интересно, людям хочется верить, что свято место может быть пусто, и не хочется верить в его отсутствие.

Об образцовой демократии (14 марта). Чтобы не забыть: «**Вы своим решением показали всему миру, что такое настоящая, а не показная демократия**» [Путин: Обращение к Севастополю и Крыму... 2018].

О том, что напишут и не напишут в учебниках (15 марта). Гадают, что будет в ближайшие шесть лет во внешней политике России. Притом, что не раз уже сказано: будет продолжение послекрымского курса. Действующий и будущий президент, как сообщил на основе полученной из первых рук эксклюзивной информации А.Венедиктов, не только не безразличен к тому, что напишут о нем в учебниках истории, но очень даже этим озабочен. Поэтому будет добиваться, чтобы Крым стал российским не только по факту, но и по праву, а Украина — пророссийской и по праву, и по факту. И чтобы президент Асад продолжал править так, как ему удобно.

Цель и смысл послекрымской внешней политики Путина останутся прежними — вернуть Россию в международное правовое поле, вынудив Запад согласиться в отношениях с ней вести себя так, будто она это поле не покидала. Ни в Крыму, ни на Донбассе, ни где-то еще. Или с тем, что поле это надо перепахать и перезасеять другими нормами. А как можно вынудить? Только показывая словом и делом, что без России мир со своими проблемами не справится, что ему без нее не избежать перманентной турбулентности и угрозы хаоса. Включая и сам Запад, которому Путин предлагает договариваться, учитывая геополитические интересы Москвы и ее желание легализовать их в мировом правопорядке. В противном случае отказываясь, в частности, реагировать на действия российских граждан на территории других стран, что бы эти граждане там ни делали и какие бы законы ни нарушали, если они не нарушают законы российские [Путин 2018].

Путин не может отступить, ему ничего не остается, как наступать. Запад не может уступить, ему тоже ничего не остается, как наступать. Такая вот ресурсозатратная геополитическая игра между установкой на восстановление международного порядка и установкой на роль его признанного победителя в будущих учебниках. Действующий и будущий президент России уверен, что вдолгую он эту игру выиграет, надеясь, очевидно, что страна вместе с ним за ценой не постоит.

О хамстве и вежливости (17 марта). Люди заметили и делятся своими наблюдениями, что хамства в народе стало заметно меньше, а вежливости — заметно больше. Видят в

этом знак перемен происшедших и предзнаменование перемен будущих. Я тоже это заметил — не только в магазинах, но и в конторах госуслуг, например. Да и в общей атмосфере повседневности тоже. Хамство в его советском изводе было, помимо прочего, продуктом экономических монополии, дефицита и очередей. При конкуренции за потребителя оно вытесняется не только у производителя, но и у потребителя.

Но люди заметили также, что в политике ничего такого не наблюдается. В политике, будь она в речах, в дебатах на ТВ или в сети, не прогресс, а регресс нравов. Потому что политика — и внешняя, и внутренняя — воспринимается, как война за монополию. Точнее, за монополию на абсолютную правоту — своей страны, своей партии, своего кандидата при искусственно созданном дефиците реальной оппозиционности. И в этой войне вежливость может казаться неуместной слабостью даже самым вежливым.

Культура повседневности отделяется в ментальном флаконе от культуры политической. Иногда они могут сочленяться, что проявилось, например, в удовлетворении тем, что вооруженные зеленые человечки на чужом полуострове оказались одновременно и вежливыми. Это значит, что в политической культуре одобрение учтивости методов действия может сочетаться с одобрением хамства действия, таковым не воспринимаемого. И пока это так, я готов согласиться с мнением насчет добрых перемен происшедших, но не готов рассмотреть в них предзнаменование перемен грядущих.

О вчерашнем голосовании⁷ и не только (19 марта). Писал уже как-то, что современные политические нравы в России едва ли не выразительнее всего представлены перед 9 мая и в сам этот день. Война и победа в ней ситуативно превращаются в главный источник коллективной идентичности, в национальную идею, переносимую из давнего уже прошлого в настоящее и будущее и импульсивно восполняющую дефицит ценностной консолидации. Память о победной войне с сопутствующими напоминаниями о текущих внешних угрозах объединяет население с властью, легитимируя ее в образе, ассоциируемом с властью во время войны. А последние парламентские и вчерашние президентские выборы, эту легитимность призванные документировать, наводят на мысль, что кануны голосований, сами голосования и реакция на них — не менее ценный материал о политических нравах для будущих историков. Только не о власти и большинстве населения, а об его оппозиционном меньшинстве, которое идентифицирует себя не с войной, а с миром, но внутри себя втягивается в войну всех против всех. Подумали бы, почему так, чем воевать перед электоральными боями по поводу участия либо неучастия в них и клеймить друг друга после разгрома в них. И еще о том, что публичное декларирование ценностей, вами разделяемых, в обмен на ваши голоса само по себе не свидетельствует о том, что это и ценности декларирующих. Времена постправды на дворе.

О преемничестве (20 марта). Вчера, как напомнил историк С. Нефедов, исполнилось 775 лет со дня институционализации монгольского правления через покоренных князей: все, кто из них уцелел, получили от Батыя ярлыки на право управления своими княжествами. Важное историческое событие, зря не уделили внимания. Можно сказать, начало страны, ее социального порядка. Не было бы без Орды московской государственности. Непосредственно монголы и их правители в ее постройке почти не участвовали, от князей-наместников им нужны были дань, рекруты и щедрые подношения, но централизации и самодержавию Москва, со временем Сараем за особые перед ним заслуги возвышенная, обучалась именно у Сарая, почему и смогла стать его преемником. Но потом захотела и все еще хочет быть преемником Киева.

⁷ 18 марта 2018 г. в России состоялись президентские выборы, на которых В. Путин получил 76,69 % голосов избирателей, П. Грудинин — 11,77 %, В. Жириновский — 5,65 %, К. Собчак — 1,68 %, Г. Явлинский — 1,05 %, Б. Титов — 0,76 %, М. Сурайкин — 0,68 %, С. Бабурин — 0,65 %.

Затухающая цикличность (21 марта). Дискуссия по вчерашней моей заметке о роли монголов в формировании московской государственности стала дискуссией о российской истории. Не имея возможности реагировать на многочисленные суждения, воспроизвожу свой старый, почти шестилетней давности текст [Клямкин 2012], из которого желающие могут получить более или менее полное представление о моем историческом сознании. Отдельные констатации и выводы читателю могут быть знакомы по другим моим текстам, которые размещал в Фейсбуке, но в этом много и суждений, которых в них не было.

– Мы хотели бы поговорить о российской истории — вы о ней много пишете в последние годы. Точнее, об истории российского государства. Вы рассматриваете ее, исходя из триады — силы, веры и закона. Но насколько эти понятия могут в принципе ставиться на одну доску? Вера — нечто кодифицированное, закон — тоже. А вот сила, роль которой вы считаете в отечественной истории заглавной, — что это такое? Некая слепая воля; или такая сила тоже учреждает и легитимирует себя и свои действия, апеллируя к закону и вере?

– Заглавная роль силы в том, что ее использование может и не кодифицироваться. Приведу несколько общеизвестных примеров, которые, на первый взгляд, могут показаться разнородными, но социокультурная природа которых, тем не менее, одна и та же. Иван Грозный, ни к каким кодексам не апеллируя, убивал бояр и не только бояр, Петр I рубил головы стрельцам, Сталин делал то, что делал. Это — произвол силы на вершинах власти. Но ведь и Разин с Пугачевым, казнившие государевых слуг, и народовольцы, убившие Александра II, и русские солдаты после Февральской революции, когда еще шла война, вырезавшие дворянский офицерский корпус, воспоминаниями о религиозных и юридических кодексах себя не обременяли. И когда люди у власти сменялись борцами с этой властью, верховенство силы воспроизводилось снова и снова.

Разумеется, без апелляций к вере и законности не обходилось — без этого никакая государственная власть обойтись не может. Но в нашем случае они не означали, что сила ограничивала себя какими-то религиозными либо светскими кодексами. И до сих пор не ограничивает. Достаточно вспомнить хотя бы недавний судебный процесс над тремя молодыми женщинами. Этот случай интересен тем, что произвол властной силы не просто камуфлировался в нем под законность (такое наблюдается часто), но еще и тем, что осуждение «по закону» произошло при отсутствии соответствующей юридической нормы. И это — не изобретение нынешних властей; такие примеры можно обнаружить в самых разных эпохах отечественной истории.

Декабристы, напомню, были осуждены на казни и ссылки по закону, но при этом в тогдашнем законодательстве не предусматривались не только наказания за действия, ими совершенные, но и за подобные действия вообще. Их осудили по статьям, которые к их поступкам не имели никакого отношения. Потом, разумеется, пробел в законодательстве был устранен, однако факт осуждения при отсутствии необходимой для этого правовой нормы остается фактом. А валютчик Рокотов был по настоянию Хрущева приговорен к расстрелу посредством придания закону, специально принятому уже после ареста Рокотова, обратного действия.

– Когда и как учреждалось и легитимировалось в стране верховенство силы?

– Если взять за точку отсчета опричнину Ивана Грозного, окончательно утвердившего в Московии самодержавный принцип правления, то ее учреждение санкционировалось не только верой, то есть сакральностью царя, ответственного за свои действия исключительно перед Богом, но, как ни странно, и законом. С той, правда, поправкой, что законодательному введению опричнины предшествовало незаконное применение силы. Введение опричнины было осуществлено с согласия Боярской думы, наделенной Судебником 1550 года законода-

тельными полномочиями. Но — лишь после нескольких устрашающих выборочных казней думцев и при заранее обеспеченной поддержке царя московским людом.

Разумеется, опричный произвол нуждался и в легитимации верой, для чего статус Божьего наместника казался недостаточным. Для этого нужна была поддержка церкви. И когда митрополитом Филиппом в такой поддержке было отказано, верховенство силы было наглядно явлено и в отношении веры. Таковы истоки тех взаимоотношений силы, веры и закона, которые мы наблюдаем по сей день. Естественно, что на протяжении истории эти взаимоотношения менялись, причем в разных направлениях. Но исходная матрица в той или иной степени сказывалась и сказывается постоянно.

– А зачем все же Грозному, чья легитимность была от Бога, «природному царю», как он сам себя иногда называл, понадобилось дополнительно легитимировать опричнину законом? Зачем этот PR-ход для законодательного обоснования насилия, которое уже происходило и без того? Ни до, ни после того российская власть к таким вещам вроде бы не прибегала — разве не так?

– Не прибегала. А в данном случае это было вызвано уникальным стечением обстоятельств. Иван Грозный выстраивал модель государства, основанного на верховенстве бесконтрольной силы. Модель, устанавливающую новые отношения между царем и подданными — прежде всего, подданными княжеско-боярского звания. Отношения, противостоящие и традиции, и 98 статье упоминавшегося мной Судебника 1550 года, наделявшей бояр правом законодательствовать вместе с царем. Вот ее-то и поостерегся нарушать царь, равно как и попираť издавна сложившуюся традицию соучастия Боярской думы в принятии законодательных решений.

Статья эта для складывавшейся московской государственности была очевидно чужеродной. Она явилась плодом исторического компромисса, который, в свою очередь, стал ответом на произвол, царивший в Московии в предшествовавшее воцарению Ивана IV боярское правление. Не будь этого сбоя эволюции, история страны была бы, возможно, несколько иной, хотя и не принципиально иной. Но сбой случился. Ответом же на вызванный им произвол бояр в центре и бояр-наместников («кормленцев») на местах стали массовые волнения населения в провинции, а потом и московское антибоярское восстание 1547 года. Выходом из глубоко кризисной ситуации и явился исторический компромисс, компенсировавший курс на вытеснение боярских «кормлений» выборной местной властью формальным закреплением права Боярской думы на участие в законодательстве.

Некоторые историки (например, Александр Янов) усматривают в этом изначальный европейский вектор развития Московии, которого ее лишил впоследствии злой гений Ивана Грозного. Я же думаю, что то был ситуативный зигзаг, вызванный последствиями эволюционного сбоя в годы боярского правления. Зигзаг, не означавший, однако, отказа от прежнего московского вектора, ничего общего с европейским не имевшего.

После окончательного освобождения от Орды московские государи искали собственный аналог монгольского правления. Как оно может и должно быть устроено, учитывая, что ханов (царей), под властью которых сглаживались все внутренние противоречия, больше нет? И оно изначально строилось как жестко централизованное и персонифицированное, в нем власть правителей изначально тяготела к обретению статуса самодержавной и неограниченной. Достаточно вспомнить свидетельства иностранцев времен Василия III, отца Ивана Грозного — свидетельства, согласно которым ни один правитель в мире не обладает такой властью, как правитель московский. Или вспомнить об утверждавшемся в официальном языке еще со времен Ивана III слове «холоп», которым должно было именоваться себя каждому при обращении к государю.

Этой деспотической тенденции не мог противостоять принцип формальной законности, вброшенный в чрезвычайных обстоятельствах ради упорядочивания разворошенной боярским правлением московской государственной жизни. Не могла этой тенденции противостоять и церковь, когда верховенство силы материализовалось в опричном войске. Его создание означало фактически введение чрезвычайного положения и чрезвычайного способа правления, позволившего завершить формирование русского аналога ордынской власти, с сохранявшейся политической субъектностью княжеско-боярской элиты несовместимого.

– Но опричное состояние было все же временным. Насколько позволяет оно судить о природе российской государственности?

– Да, временным, однако после этого возврата к прежнему, доопричному порядку уже не происходило. И еще важно, что в природе российской государственности заложена предрасположенность к воспроизведению такого рода временных состояний. Внешне это может показаться чем-то похожим на временные комиссарские диктатуры, известные со времен Древнего Рима, в их понимании Карлом Шмиттом. Но тут все же нечто иное. И дело даже не только в том, что в российских вариантах диктаторские полномочия вручались не суверенном порученцу-комиссару, а фактически суверенном самому себе. Если комиссарские диктатуры в Европе учреждались для защиты сложившихся социальных порядков от внешних либо внутренних угроз, то диктатуры Грозного, Петра I или «диктатура пролетариата» в исполнении большевистских вождей были направлены на радикальное *изменение* этих порядков. При этом, в отличие от европейских аналогов, их временность какими-либо конкретными сроками не оговаривалась, а в случае Петра временность и вообще не предполагалась: она выявилась лишь задним числом при его преемниках.

Нелишне отметить также, что петровская и большевистская диктатуры открыто порывали с прежней законностью и со всей «стариной» вообще, между тем как Иван Грозный пытался еще сохранять с ней преемственность. Он не разрушал сложившиеся институты, а призывал их к легитимации его диктаторских полномочий силой. Зачем ему это было нужно? Затем, очевидно, что сжигать все мосты, соединявшие его с традицией и законностью, он опасался. Да и потом, уже после «законного» учреждения опричнины, его, как известно, постоянно преследовал страх боярской мести за учиненный им произвол, что побуждало даже всерьез рассматривать перспективу эмиграции в Англию. То было время, когда, если пользоваться веберовской терминологией, альтернативы традиционному типу легитимности, апеллирующему к «старине», еще не существовало.

Такой альтернативы, правда, не было и во времена Петра, но ему удалось создать ее военными успехами, коих Грозному добиться так и не удалось, а горечь поражений в затеянной им Ливонской войне пришлось испытать сполна. Петр легитимировал себя уже и как вождя-харизматика, к чему добавил и легитимацию юридическую, узаконив власть царя как самодержавную и ничем в своих действиях не ограниченную. Что касается «диктатуры пролетариата», то она, разрушая прежнюю законность и все старые институты — и на это, кстати, обращает внимание упомянутый мной Карл Шмитт, — в лице своих харизматических вождей легитимировала себя апелляцией к закону историческому и насаждавшейся новой верой в его непреложность. Закону, согласно которому буржуазия непременно должна уступить свое господствующее место другому классу, и, при отсутствии у нее соответствующего желания, ей следует «помочь» временным применением силы.

– Давайте все же вернемся к истокам, к тому, с чего все начиналось. Можно ли говорить, что у складывавшейся московской государственности были какие-то аналоги? Насколько помню, в ваших текстах иногда проводится параллель с османским правлением. В том смысле, что после падения Византии в 1453 году в России рождается мо-

дель деспотии в османском стиле. Если так, то почему Россия столь легко воспринимает чужеродные схемы, как вы считаете?

– Я бы не сказал, что Россия перенимает чужие схемы. Присматриваясь к государственному опыту других стран и что-то из него заимствуя, она создавала и до сих пор создает свои собственные схемы.

Московским Рюриковичам после освобождения от монголов, чьими наместниками они до того были, предстояло выстроить государство, легитимируя его исторически унаследованной православной верой. Однако Византия, у которой эта вера была когда-то заимствована, к тому времени успела рухнуть под натиском османов. И в Москве задались вопросом: почему правильная вера греков не помогла им устоять перед неправильной верой турецких султанов?

– И дали ответ: то была кара Божья грекам за несоблюдение чистоты православия — один лишь Марк Эфесский восстал среди них против Флорентийской унии, заключенной Константинополем с католическим Римом...

– Да, реакция Москвы на эту унию была изначально негативной, что повлекло за собой — еще при монголах — отделение московской митрополии от константинопольского патриархата. Но дискуссии о причинах падения греков и победы османов продолжались и после освобождения от монголов. И в центре этих дискуссий оказались понятия *веры и правды*, причем возобладала со временем точка зрения Ивана Пересветова о верховенстве правды, испытывающей веру на подлинность и искренность, на соответствие ей помыслов и поступков людей. Такого соответствия не обнаружилось у греков, зато оно сполна обнаружилось у османов, благодаря чему они, несмотря на неистинность их веры, и оказались победителями...

– Но известно ведь, что культ османского устройства власти существовал не только в Московии. Он был свойственен многим ренессансным итальянским теоретикам, среди которых существовали поклонники Мехмета II и отстроенного им государства, как государства мирного, счастливого, обеспечивающего стабильность; к тому же просвещенного, возглавляемого просвещенным правителем. Они противопоставляли порядок Османской Империи отсутствию такового в Италии с ее нескончаемыми гражданскими войнами и беспорядочной борьбой за власть. Достаточно вспомнить, что даже Леонардо да Винчи хотел переехать в Стамбул. Так что интерес к османскому опыту не был специфической русской чертой.

– В Московии как раз не считали османское устройство власти правильным по той простой причине, что неправильной считалась османская вера. Интересовались же здесь, прежде всего, тем, почему эта неправильная вера не помешала одолеть правильную веру греков, родившую тех с русскими. И пришли к выводу о вторичности веры по отношению к правде, а также к выводу о том, что к правде допустимо принуждать силой. Из этой идеологической конструкции, дополненной заимствованным из Ветхого Завета образом грозного, своенравного и непредсказуемого Бога, которому и надлежит уподобляться его земному наместнику, то есть московскому царю, и произрос потом террор Ивана Грозного.

Из этой конструкции следовало, что царь, несущий ответственность только перед Богом, и есть эталон правды, а потому любое неповиновение его воле, пусть даже всего лишь подозреваемое, есть попрание правды, подлежащее возмездию. Понятно, что при таком понимании правды вера того же митрополита Филиппа могла интерпретироваться как заведомо несправедная. Можно ли, однако, сказать, что в этом же направлении двигалась возрожденческая политическая мысль итальянцев?

– Наверное, нет. Но тут все же загадка: почему ни Чезаре Борджиа, ни кому-то другому при не меньших, чем у Грозного, государственных устремлениях и не

меньшей жестокости, не удалось адаптировать модель Османской империи? Модель государственного устройства, считавшегося многими ренессансными теоретиками лучшим, чем итальянские республики?

– Вопрос интересный, но он далеко за пределами нашей темы. К тому же Московия, повторяю, не адаптировала османскую модель. Тут не было ни янычарского войска, комплектуемого из обращенных в ислам пленных и их детей, ни элементов платоновского государства, то есть формирования чиновничьего класса тоже посредством специального обучения плененных детей при запрете им иметь семью и освобожденных тем самым от собственных соблазнов, ни многим другим. Московские Рюриковичи строили деспотию не на турецкий, а на собственный манер, и об этом, надеюсь, мы еще поговорим. Потому что иначе непонятно, почему российская модель в перспективе оказалась жизнеспособнее турецкой: Османская империя, некогда всемогущая, уже в XVIII веке стала превращаться в «большого человека Европы», а империя Российская, проходя через многочисленные потрясения, наращивала, тем не менее, свою военную мощь, став в XX столетии одной из мировых сверхдержав. Иначе непонятно и то, почему сверхдержавность эта не предохранила ее от распада в мирное время, что в истории континентальных империй случай беспрецедентный.

Но пока еще раз зафиксируем: все начиналось с установления верховенства правды над верой, что идеологически санкционировало верховенство силы и над верой, и над законом. А к этому добавим, что культ правды вошел и в народную культуру, вошел как некий идеал жизнеустройства, с существующим устройством несовместимый и его категорически отрицающий. Помните? «Велика святорусская земля, а правде нигде нет места»...

– Сейчас в России началась работа над переводом французского словаря философских непереводимостей Барбары Кассен. И там есть статья К. Сигова под названием «Правда». Греческое «правосудие» (δικαιοσύνη), будучи переведено как «правда», впоследствии стало в ряде случаев перетолковываться как этический императив. Из чисто юридического легитимистского понятия «правда» стала превращаться в некое полусакральное знание: кто ведает правду, тот и имеет право на власть. И ведь не только великие князья и цари московские, но и русские революционеры, включая большевиков, выставляли свою приверженность правде как основной источник своей легитимации.

– И как право на применение силы, свободное от ограничений со стороны права.

– Ну да, «широки натуры русские, нашей правды идеал не влезает в рамки узкие юридических начал»...

– Это интересно — я имею в виду сказанное вами о трансформации юридического понимания правды (действительно, была же «Русская правда») в понимание принципиально внеправовое. Причем как на вершине государственной пирамиды, так и в ее социальном основании. На вершине оно служило сакрализации самодержавной власти, а в основании фиксировало некий смутный идеал, служивший точкой отсчета для отрицания всего, что находится между этой властью и населением.

Посмотрите русские пословицы и поговорки или почитайте о них интересный текст Павла Солдатова на сайте «Либеральной миссии». В них сакральный царь (он всегда рядом с Богом), сакральный и одновременно профанный «мир» (община), что свидетельствует о его восприятии как социально самодостаточного и самоценного, но государственно беспомощного, а все, что между царем и «миром», отвергается как несправедное. Неправедны бояре и дворяне, неправедны чиновники и судьи, неправедны священники. За редчайшими исключениями, нет ни о ком из них позитивных изречений, сплошной негатив! А что с ними людей примиряло? Примиряло представление о том, что несправедность эта обречена быть *временной*, что правда рано или поздно свое слово скажет («будет и на нашей улице праздник»).

Очень важная, между прочим, ментальная особенность. Думаю, она сыграла не последнюю роль и в относительно долгой легитимации классовой «правды» большевиков, предложивших воспринимать жизненные невзгоды как «временные трудности» на дороге к «светлому будущему», и в последующей делегитимации их власти, когда изначальный обман начал людьми осознаваться. А что было ему противопоставлено? Ему была противопоставлена новая правда — правда эпохи перестройки и последовавших за ней реформ, тоже в восприятии большинства быстро потускневшая.

Что же мы имеем сегодня? Насколько могу судить, идеал правды, как альтернативы существующему, больше не воспроизводится, как не воспроизводится и восприятие этого существующего как временного. Сохраняется прежнее неприязненное отношение к большому и малому начальству, а вот ожидание «и на нашей улице» праздника народонаселение, похоже, оставило в прошлом. Но если так, то что это может означать? Что нечто существенное в российской истории завершилось? Если да, то что иное пришло ему на смену, и насколько это иное жизнеспособно? Или еще не пришло, а только идет? Но, если идет, то опять-таки что именно? Право вместо правды или деградация при отсутствии идеалов правды и права? Тут есть, о чем размышлять.

– Приведенная вами поговорка («велика святорусская земля, а правде нигде нет места») напомнила мне другую известную фразу: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Не кажется ли вам, что представление о правде, о которой мы сегодня рассуждаем, — это представление о социальном порядке и отсутствии такового?

– Оно, как мы выяснили, могло быть и представлением о неприемлемости существующего порядка, о запросе на его замену другим. Но это хорошо, что вы перевели разговор в эту плоскость. Это позволяет мне перейти к вопросу о том, какой тип социального порядка изначально устанавливался в послеордынской Московии во имя правды, как он со временем менялся (тоже во имя правды), но не сущностно, а лишь по форме, дожив до нашего времени.

Меня, честно говоря, не перестает удивлять, почему люди, размышляющие об отечественной истории и изначально складывавшемся в ней в послемонгольские времена типе социального порядка, обходят наследие старых русских историков. Если попробовать суммировать их констатации, то в русском социальном порядке два основных состояния, переживаемые народами — мира и войны, — объединились в некоторое третье состояние *мира как войны*. Это значит, что московское государство складывалось как милитаристское, причем *особое* милитаристское, выстраивающее повседневную жизнь не только во время войны, но и во время мира по армейскому образцу и управляющее населением так, как управляют армией. Перефразируя фон Клаузевица, считавшего войну продолжением политики другими средствами, можно сказать, что сама российская политика формировалась как продолжение войны другими средствами.

О чем пишет, скажем, Ключевский? Он пишет о том, что послеордынская Московия была служилым государством с «боевым строем», что устроено оно было на манер «военного лагеря», и что социум того времени состоял из «командиров, солдат и работников» с принудительной разверсткой обязанностей: работники должны были командиров и солдат безвозмездно обслуживать.

А о чем пишет Павел Милюков? Он пишет о том же: Москва была «настоящим военным станом, главным штабом армии», распространявшим армейскую организацию жизни на все население. В частности, посредством военных налогов, которые были разными и взимались на конкретные цели: на содержание «пищальников», на изготовление пороха для ружей, на постройку укреплений и засек. Был и отдельный налог на выкуп из плена тех, кто стал жертвой татарских набегов из Крыма, — «полоняничные деньги»...

И Николай Алексеев, известный историк евразийского направления — о том же самом: московское государство «имело характер военного общества, построенного как большая армия, по принципу суровой тягловой службы».

Казалось бы, эти и аналогичные констатации, которые встречаются и у других старых авторов, начиная еще с Радищева, невозможно не заметить. А заметив, или принять их, или попытаться опровергнуть. Но нет: не принимают и не опровергают. Просто не замечают. И это тем более странно, что милитаристская государственность старомосковских Рюриковичей, доведенная до державно-имперской кондиции Петром I, в новой форме несколько столетий спустя воспроизвелась в Новомосковии большевиков. Мы же помним эту сталинскую милитаризацию жизненного уклада, когда страна была объявлена «осажденной крепостью», когда все происходившее в ней официально именовалось борьбой, битвой, сражением, штурмом, когда правящая партия во всех своих уставах называла себя «боевой организацией», а своих членов — «солдатами партии», когда достижения в труде приравнивались к военному подвигу...

Значит, была в нашей истории эта милитаристская сквозная линия, в одни времена явно, а в другие — не очень явно определявшая особый тип российского государства. Но такое государство, выстроенное по армейскому образцу, как раз и предполагает не самостоятельную, а обслуживающую роль как веры (или заменяющей ее светской идеологии), так и законности по отношению к его совокупной силе. Силе, персонифицированной в верховном правителе и только ему подчиненной. В служении ей, которое большевики называли «беззаветным», то есть никакими договорами (заветами) и законами не обусловленным, и заключается суть той «правды», о которой мы говорили. Но сколько-нибудь заметного интереса эта линия, повторяю, не вызывает.

– **Почему, как вы думаете?**

– Однозначного ответа у меня нет. Возможно, сказывается психологическое отторжение марксизма, когда в любой концептуализации истории чудится реанимация абстрактных «закономерностей», подминающих под себя живую историческую жизнь, или «однофакторных» объяснительных схем, к которым многообразие этой жизни не сводимо. Но милитаризация, о которой я говорю, это ведь не абстрактный теоретический принцип, а эмпирическая очевидность. Разумеется, есть, помимо нее, и другие «факторы». Но ведь и она тоже есть. И почему же ее и ее связь с этими другими «факторами» правомерно игнорировать?

Тут сказываются, возможно, и тенденции в мировой исторической науке последних десятилетий. И, прежде всего, сдвиг в ней от изучения государственных и других институтов к исследованию повседневности, различных ее пластов. Это, безусловно, плодотворное направление, и оно очень успешно у нас развивается. Но познание повседневности, которая даже в тоталитарном социуме относительно автономна и развивается не только по предписанной, но и по собственной логике (чем и интересна), очень мало продвинет нас в понимании специфической природы российской государственности. Той самой, при которой из века в век воспроизводилась убогая повседневность большинства, а развившаяся культура повседневности отдельных групп населения не раз ломалась через колено, когда государственность эта меняла свою форму.

– **А у представителей других областей общественности есть к этому интерес?**

– Тоже не замечал. Есть, например, очень содержательные интерпретации российской истории с использованием теории циклов, но факт милитаризации обходится и в них. Ближе всего к тому, о чем у нас речь, подходы, при которых специфическая природа российской государственности фиксируется в понятиях «ресурсного государства», как у Симона Кордонского, или «раздаточной экономики», как у Ольги Бессоновой. Но нерыночное распределение («раздача») и перераспределение ресурсов — это ведь не что иное, как способ управле-

ния армией, это и есть следствие того, что я называю милитаризацией государства и социума.

– Того типа милитаризация, о которой вы говорите, — это нечто беспрецедентное? Нигде, кроме России, ничего такого не наблюдалось?

– В свое время Герберт Спенсер, идя в этом отношении за Огюстом Контом, указал на различие двух типов социальной организации — «воинствующего» и «промышленного». И, соответственно, двух типов кооперации — «насильственного» и «добровольного». Типичный пример первого типа он усматривал в регулярной армии, где люди подчиняются приказам, а все необходимое им для поддержания жизни получают по «произвольному распределению». А типичный пример второго типа — контрактная система, в которой производители и потребители добровольно вступают в определенные отношения, основанные на обмене услугами. Есть у Спенсера и ответ на ваш вопрос: через «воинствующий» тип социальности прошли все народы, хотя способы милитаризации могли при этом существенно различаться, а ее мера не у всех была столь значительной, как в древней Спарте или империи инков.

Вспомним средневековую Европу. Что представлял собой ее феодализм? Он представляла собой, безусловно, одну из моделей милитаристской организации государства и социума. Многоступенчатая феодальная иерархия, возведенная на основе условного владения землей в обмен на службу, была иерархией военной. На ее вершине находился король, а в подножье — крепостной крестьянин, обслуживавший все звенья этой иерархии.

– И в России было условное дворянское владение землей. Да и колоны, крепостные крестьяне, как известно, тоже были...

– На этом сходство и заканчивается. Феодализма в его европейском понимании в России никогда не было. Особенность европейской феодальной иерархии заключалась в том, что отношения в ней строились на основе правовых принципов, когда у вассалов были не только обязанности перед сюзеренами, но и определенные права. Это была милитаристская модель, включавшая в себя договорную, контрактную составляющую, предусматривавшую судебную процедуру разрешения конфликтов. Или, говоря иначе, милитаристская модель, потенциально способная к качественной культурной и институциональной трансформации.

Послемонгольская модель «беззаветного служения» (или, как тогда говорили, служения «верой и правдой») была принципиально иной. Не имела она ничего общего и с королевским абсолютизмом, который ко времени освобождения Московии от монголов начал уже утверждаться в Европе. Московское самодержавие укреплялось посредством усиления милитаризации. Утверждение же европейского абсолютизма означало как раз *демилитаризацию* социума.

Это были два разных способа вхождения в Новое время. В Европе оно осуществлялось на основе описанного впоследствии Спенсером добровольно-контрактного типа социальности, который сложился еще в доабсолютистскую эпоху. Он сформировался в свободной городской среде, ставшей результатом долгой борьбы городов с феодальными баронами и появления фигуры профессионального торговца, добившегося права торговать не по предписанным, а по добровольно оговариваемым — с продавцами и покупателями — ценам. Соответственно формировались и институты, такую деятельность обслуживавшие: системы правовой защиты контрактов, прав собственности и страхования рисков, системы банков, использовавших векселя... В свою очередь, наличие таких институтов способствовало выработке новой морали, санкционированной религией и предполагавшей доверие друг к другу партнеров, не находившихся в родственных отношениях.

Я понимаю, что проговариваю общеизвестные вещи, но они важны для понимания того, что милитаризация жизненного уклада происходила в России тогда, когда Европа из своей милитаризации, существенно к тому же от российской отличавшейся, уже выходила.

Тогда, когда контрактные отношения распространились в Европе и на армию, которая изсловно-феодальной стала превращаться в наемную. Налоговые поступления от богатых торгово-ремесленных городов позволяли ее содержать. В России же, повторю, именно милитаризация стала специфическим способом адаптации к вызовам европейского Нового времени без освоения его ценностей: ничего из того, что я перечислил, в ней не было, а то, что было на местных уровнях, уничтожалось — достаточно вспомнить судьбу Новгорода и Пскова. Можно сказать, что милитаризация, достигшая своего пика при Петре I, стала ее, России, особым путем в Новое время.

– **Говоря о милитаризации, вы ссылаетесь на три фигуры — Ивана Грозного, Петра и Сталина. Но можно ли утверждать, что имевшее при них место верховенство силы репрезентирует всю российскую историю? Ведь были в стране и монархи, которые правили в духе европейской политической мысли, в духе Гоббса и других.**

– Если что-то похожее на гоббсовскую абсолютную власть суверена здесь и наблюдалось, то с гоббсовской свободой в частной жизни, включая экономическую деятельность, дело обстояло много хуже...

– **Тем не менее, суверены, устанавливающие не военный, а мирный порядок, блокирующие вползание страны в состояние внешней или внутренней войны всех против всех, войны страстей и интересов, в России бывали. Суверены-миротворцы, стремившиеся к общему благоденствию.**

– Кого конкретно вы имеете в виду?

– **Например, Павла I. Он ведь ничего не милитаризовал, а пытался учредить общий европейский порядок и гражданский порядок в России. Причем не сословный, а меритократический — отсюда и давление на дворянство. Да, средства порой использовались насильственные, но цель-то была другая. Целью были мир и порядок.**

– Пример с Павлом интересный, но начну все же не с Павла. Начну с того, что пики милитаризации — это, действительно, Грозный, Петр и Сталин. Они были военными диктаторами, радикально менявшими форму государственной системы. Но милитаризаторская тенденция возникла ведь не при Грозном, а много раньше, о чем и писали старые русские историки. И после него она хоть и была приглушена, но никуда не исчезла, будучи потом дважды переведенной в диктаторские режимы чрезвычайного положения.

А что происходит, когда режимы эти сходят со сцены? Происходит демилитаризация жизненного уклада в измененной ими системе — так было в послепетровские времена и так же было во времена послесталинские. Потому что ни элиты, ни население милитаризацию жизни, размывающую границы между войной и миром, долго выдерживать не могут.

– **Но чем все же объясняются повторяющиеся срывы демилитаризаций и обвалы в новые милитаризации? Неужели это предварительно заданная историческая программа?**

– Срывы и обвалы объясняются, по-моему, тем, что российские демилитаризации были дозированными. Границу между милитаристским и правовым государством они не переступали, а пытались удержать страну в некоем промежуточном состоянии между тем и другим. Отечественная история как раз и свидетельствует о том, что такое состояние стратегически устойчивым быть не может, что рано или поздно оно ведет к срывам и обвалам. Демилитаризация — это не решение проблемы, а сама проблема. Проблема выхода из демилитаризованного социума в правовое государство. Она, как видим, и сегодня не поддается решению.

Что происходило в России после Петра? Происходило постепенное раскрепощение условий, первый этап которого завершился освобождением дворян от обязательной государственной службы при Петре III и Екатерине II. В результате же фундамент служилой государственности был разрушен, а новый под нее не подведен. С одной стороны, мы видим ги-

гантский рывок вперед от идеи разверстки обязанностей к идее права, включая право дворян на земельную собственность, а с другой — разрушение социального консенсуса: крестьянин служит дворянину, поскольку тот служит царю.

Что стало ответом на эту демилитаризацию? Одним из ответов стала пугачевщина. А что обещал восставшим Пугачев? Он обещал им государство, преобразованное на манер *казачьего войска*, то есть некую народную версию все той же милитаризации.

А другой ответ предложил как раз Павел I. Он, конечно, не был милитаризатором в духе первого русского царя Ивана или первого императора Петра, хотя современники (Карамзин, например) и склонны были сравнивать его с Иваном Грозным. Он, действительно, хотел мира и восстановления подорванного социального консенсуса, хотел дисциплинировать разболтавшееся при его нелюбимой матушке дворянство и много чего еще хотел сделать (и кое-что сделать успел). Но, восстанавливая этот консенсус, он стал пренебрегать узаконенными Екатериной «на вечные времена» правами дворян, фактически отменил их, что и стоило ему жизни. Да и обещание мира, данное при восшествии на престол, оказалось невыполненным: вскоре Павел пошлет Суворова воевать с Наполеоном в Европе...

– **А потом пошлет казаков воевать в Индию...**

– Ну да, а Александр I успеет их вернуть, что спасет их, по мнению многих историков, от гибели. Но я бы не хотел сейчас уходить в подробности политики Павла. Если же говорить о его правлении в целом, то отмена дворянских вольностей означала фактическую ремилитаризацию, что с реальным ходом российской истории было уже несовместимо. Но потом намеченный Павлом вектор дал о себе знать в более дозированной ремилитаризации, символизируемой военной муштрой и военными парадами, во второй половине царствования Александра I и особенно при Николае I. Ну, а закончится все поражением в Крымской войне и вторым после Екатерины вековым многоэтапным актом демилитаризации, раскрепостившим крестьян, отменившим введенную Петром I солдатскую рекрутчину, учредившим всеобщие земства и независимый суд. Актом, призванным, по замыслу, восстановить базовый социальный консенсус распространением правового принципа на все общество. Но и на этом пути его восстановления, как известно, не случилось.

Вырваться из демилитаризации в правовое государство не получалось. Получалось, как мы теперь знаем, никем не осознававшееся сползание к новому витку тотальной милитаризации. Почему? Потому что эволюция самодержавия от приоритета силы к приоритету закона с сопутствующими попытками поднять статус веры в духе графа Уварова, описанная в свое время Александром Корниловым...

– **Вы имеете в виду его «Курс истории России XIX века»?**

– Да, именно его. И там хорошо показывается, как все императоры этого столетия начинали свои царствования с деклараций насчет утверждения и укрепления законности, сохраняя свою власть как самодержавную и ничем не ограниченную, что тоже со времен Петра I было закреплено в законодательстве. Но причина их неудач не только в том, что законность на нижних этажах и неограниченная власть на этапе верхнем плохо друг с другом сочетались. В конце концов, после 1905 года власть эта была ограничена Государственной думой, избираемой населением, которое получило и политические права. И, тем не менее, правовое государство не состоялось, обвала государства с последующей новой милитаризацией избежать не удалось. Так что вопрос остается: почему?

Дело в том, что заимствовавшиеся европейские права и свободы накладывались в России на сохранявшийся остов милитаристской системы, что не могло не сопровождаться их деформацией и, соответственно, не могло не лишать их жизнеспособности. Вводился, скажем, принцип равенства перед законом (это я о судебной реформе Александра II), но предусматривалось и ограничение: возбудить дело против чиновника дозволялось только с согла-

сия чиновника вышестоящего. И экономические свободы тоже допускались дозированно. В результате же государство под воздействием чужеродных для него инъекций со временем не столько усиливалось, сколько ослаблялось, а экономика так и не получала импульсов, достаточных для ее трансформации из экстенсивной в интенсивную. Это, в свою очередь, понуждало к продолжению имперской политики присоединения новых территорий и после того, как «собрание земель» было завершено.

Кстати, сейчас можно наблюдать возрождение исследовательской традиции, идущей еще от Ключевского, в которой именно имперскость России, ее никогда не иссякавшее стремление к колонизации выступает исходной точкой в объяснении природы ее государственности. Но это еще большой вопрос, что здесь первично, а что — вторично. Я-то склонен считать, что именно отмеченный тем же Ключевским изначально милитаристский характер этой государственности, ориентированной на экстенсивность и очень плохо сочетаемой с интенсивной рыночной экономикой, предопределил тяготение к имперской экспансии, а во все не наоборот. Тяготение, сохранявшееся и во времена демилитаризации. Правда, у самого Ключевского милитаризация и имперскость рассматриваются как рядоположенные, в причинно-следственную связь они не ставятся. Но если такую связь устанавливать, то я, повторяю, отнюдь не уверен в том, что первичность следует признать за имперскостью.

– **Послесталинская демилитаризация была идентична послепетровской?**

– При всей своей специфике, она происходила в той же логике. Раскрепощались элиты, раскрепощалось население, легитимировался частный интерес, подмятый при Сталине интересом общим, ослаблялся произвол надзаконной силы. Но остов милитаристской системы и в данном случае оставался нетронутым, а искусственно скрещиваемые с ним нововведения жизнеспособности ему не только не добавляли, но и лишали той, что была. Между тем, страна оказалась перед очередным технологическим вызовом со стороны Запада, ответить на который ей было нечем. Обнаружилось вдруг, что петровско-сталинские методы принудительно-силовой модернизации свой век отжили, что с их помощью из очередной ловушки экстенсивности выбраться уже не получится.

Эту проблему и унаследовал Горбачев. Мы помним, как он ее решал. Он решал ее, пытаясь наложить на милитаристский остов такие несовместимые с ним вещи, как демократия, частная собственность и рынок, а от применения в политике силы отказавшись вообще. Тут-то и выяснилось, что без нее ни светская коммунистическая вера-идеология, ни «социалистическая законность» ничего не скрепляют, что без нее все рушится. Таков был итог первого (коммунистического) этапа послесталинской демилитаризации. Ну а те, кто Горбачева за все это ругают, пусть хотя бы задним числом поведают о том, как бы они сами решали выпавшую на его долю историческую проблему.

А она ведь и до сих пор проблема. Проблема выхода из продолжающегося цикла послесталинской демилитаризации в правовое государство. Или, что то же самое, из демилитаризованной социальности в социальность добровольно-контрактную. А что препятствует ее решению?

Ее решению мешает не только беспрецедентный эгоизм властвующих и окол властных групп, трансформировавших идею служения общему интересу в идею служения интересам частным. Этому мешает и то, что *невоенное* понятие об общем интересе, как подвижной равнодействующей интересов частных и групповых, отсутствует в российском социуме. Он столетиями приучался и научился делегировать представительство общего интереса первому лицу государства, что всегда сопровождалось стремлением его ставленников в центре и на местах государство приватизировать. И особенно заметно такие соблазны проявляются в демилитаризаторских циклах. Ну, а сегодня, когда аппетиты властвующих и привластных групп впервые в российской истории не сдерживаются угрозой большой войны, понятие об

общем интересе свелось у них к понятию о «стабильности», то есть о сохранении комфортного для них статус-кво.

– А население имело какое-то отношение к этим милитаризациям-демилитаризациям?

– Оно никогда не испытывало восторга ни от первых, ни от вторых. И вообще я не склонен к тому, чтобы специфическую цикличность российской истории выводить из менталитета населения. Никакой предрасположенности к милитаризации в этом менталитете не было. Когда Петр I отдал целые области в распоряжение армейским командирам, люди отвечали на это массовым бегством на окраины. Когда большевики ввели «военный коммунизм» с его «милитаризацией труда» и прочими прелестями, люди отвечали восстаниями...

– И на военные поселения, учрежденные Александром I, тоже.

– Военные поселения воспринимались крестьянами как нечто такое, что вообще за гранью добра и зла. И не потому, что условия жизни там были хуже, чем обычные; они были лучше и цивилизованнее. Но в них милитаризация повседневности касалась не взаимоотношений землепашцев с государством, а покушалась на сам их род занятий, заставляя быть одновременно и земледельцами, и солдатами.

Конечно, это чем-то напоминало казачий быт, но там он принимался, во-первых, добровольно, а во-вторых, основную массу крестьян он не привлекал. Да, многие из них оказались готовы в свое время встать под знамена Пугачева, но двигало ими, скорее всего, то враждебное отношение ко всем «господам», находившимся между ними и царем, которое зафиксировано в упоминавшихся мной пословицах и поговорках. По отношению к этим сословиям и группам они чувствовали себя вправе применять силу, что соответствовало их представлениям о правде. Правде, которая не соотносилась ни с верой, слабо в их сознании укорененной, ни с законностью, укорененной еще меньше. Правде, следуя которой они без колебаний, о чем я уже упоминал, после Февраля 1917-го стали в массовом порядке убивать офицеров-дворян. Да и других такого рода примеров более чем достаточно. Не будь этой враждебности, возникшей независимо от большевиков и за столетия до них, им не удалось бы ни захватить власть, ни, тем более, удержать ее.

– У меня возник вопрос о силе и насилии. Разве это одно и то же? Можно обладать силой, но насилие не чинить.

– Но мы же до сих пор говорили о силе, используемой для насилия. В этом использовании и проявляется ее верховенство над верой и правом.

– Хорошо, но есть все же разница между верховенством силы у верхов и низов. У верхов оно проявляется в репрессиях, которые как-то планируются и имеют какую-то цель, а у низов — в спонтанном и бесцельном насилии. Я это к тому, что насилие того же Павла I и насилие Пугачева, как и упомянутый вами солдатский произвол — не одно и то же. И советская милитаризация, насколько понимаю, выражала именно низовое представление о насилии и его методах, разве нет?

– Если произвол силы наверху, если там нет правовых сдержек, произвол блокирующих, то представление о праве силы будет сохраняться и на других этажах социума. Причем не только на самых нижних — не крестьяне же убили императора Павла. Что касается советской милитаризации, то никаким народным представлениям она не соответствовала. Если опять же судить по пословицам и поговоркам, то в народном лексиконе не было места для таких слов, как «держава», «патриотизм», «великая Россия» и даже для слова «государство», а армия ассоциировалась не с героическими подвигами, но с дополнительными тяготами. Да, советский порядок возник и утвердился, используя враждебность низов к тем, кто стоял над ними. Милитаризация же в ее сталинском исполнении могла состояться только потому, что

альтернативы ей в народном сознании не было, никакого собственного образа государства в нем исторически не сложилось.

В изолированных друг от друга локальных общинных мирах, где преобладали анархические настроения, такой образ и не мог сложиться. И подобно тому, как поражение Пугачева выявило неконкурентоспособность казацкого идеала жизнеустройства, так разгром антоновского восстания большевиками выявил бессилие идеала крестьянского. Другое дело, что среди тех же крестьян нашлось немало людей, готовых осуществлять милитаризацию в роли больших и малых начальников, в роли сталинской бюрократии. Людей, чьи представления о насилии, будучи ассимилированными государственной системой, вполне вписывались в ее собственную идеологию и практику.

– **Следовательно, бюрократия тоже была милитаризованной?**

– Разумеется.

– **И чем такая бюрократия отличается от собственно военной?**

– Только тем, что управляет не армейскими, а гражданскими делами. Как и военная, она руководствуется не законом, а идущими сверху и транслируемыми по вертикали власти приказами, исполнять которые, под страхом суровых наказаний, должна любыми методами, используя все наличные ресурсы.

– **То есть речь идет о бюрократии чрезвычайного положения?**

– О бюрократии милитаризаторских циклов, которые и есть циклы чрезвычайного положения — независимо от того, объявлено оно или нет. Так ведь не только при Сталине было. Так было при Иване Грозном, так было и при Петре I. И всегда это сопровождалось сменой служилого слоя, его радикальным обновлением или переформатированием. Опричное войско, как и сталинская бюрократия, тоже ведь в значительной степени формировалось из низов. Что, впрочем, не было изобретением Грозного — Александр Александрович Зимин, известный советский историк, показал в свое время «холопское» происхождение послемонгольского дворянства и послемонгольского чиновничества, предопределившее их ментальные особенности, намекая тем самым на советских начальников и их менталитет. А Петр I, наряду с людьми вроде Меншикова, вводил в управленческую иерархию иностранцев, а контроль над ней препоручил созданной им гвардии...

– **И все это, как я понимаю, соответствовало каким-то представлениям о правде, которая должна воплощаться «опричь», то есть поверх статус-кво, поверх сложившихся иерархий. Такие представления разделялись и правителями, и социальными низами. Но откуда она, эта правда, согласно которой социальный порядок лучше всего может быть выстроен возвышением десоциализированных людей? Правда, прошедшая через нашу историю от опричнины до большевиков?**

– Когда самодержавная система резко меняет форму, будь то по инициативе правителя или посредством революции, появляется спрос на поддерживающих такие перемены новых управленцев, готовых, в отличие от прежних, привязанных к старой форме своими привычками и интересами, служить «беззаветно». Это из разряда тех ситуаций, когда «кадры решают все». Ну, а при том отношении к правящим группам, которое складывалось у населения не без их участия, какое другое представление о правде, об образе «на нашей улице праздника» могло у этого населения появиться? И стоит ли удивляться тому, что российские милитаризаторы этот готовый человеческий материал столь охотно использовали?

– **А что происходило с правящим слоем, с той же бюрократией в демилитаризаторских циклах?**

– Если говорить об этом в самом общем виде, не погружаясь в детали и исключения, то она деградировала. Она деградировала и тогда, когда милитаристская инерция в ее среде поддерживалась назначением на руководящие должности бывших военных — об этом писал

еще Радищев, видевший в российском гражданском управлении неадекватный аналог армейского. Она деградировала и продолжает деградировать и в послесталинском демилитаризаторском цикле по той простой и мной уже упоминавшейся причине, что никакого стратегически устойчивого социального порядка демилитаризация сама по себе не создает. Застревание бюрократии в состоянии между управлением по приказу и управлением в соответствии с безличной (и обязательной для исполнения) правовой нормой ничем, кроме деградации, сопровождаться не может.

– Примерно о том же в интервью «Русскому журналу» говорил Святослав Каспэ. О том, что наша бюрократия, с одной стороны, не может жить без приказов, а с другой — делает все, чтобы их блокировать, потому что выполнить не в состоянии. Но ведь ничего другого, кроме выполнения распоряжений Президента или Правительства, она делать не умеет! Такой вот парадокс саморазрушающейся бюрократии.

– Даже если распоряжения, идущие сверху, направлены на рационализацию управленческой системы, они не могут быть выполнены, потому что система эта сверху донизу подчинена не безличным правовым нормам, а причудливо переплетающимся частным и групповым интересам. Эти интересы и создают свою собственную коррупционно-теневую «рациональность», гасящую любые рациональные (без кавычек) импульсы и сигналы, откуда бы они ни поступали.

– И что же дальше? Может ли помочь ответить на этот вопрос российская история? Если все будет, как было, то впереди у нас, получается, новая милитаризация?

– Думаю, что милитаризаций петровско-сталинского типа больше не будет. Потому что в современном мире они не функциональны. Задачи модернизации, в том числе, и технологической, с их помощью уже не решаемы. А чтобы решать их, как раз и полезно осознать их принципиальную — в масштабе всей российской истории — новизну.

К сожалению, сегодня мы видим другое. Мы наблюдаем судорожные попытки властей — причем не только светских, но и церковных — уцепиться за традицию, предписывающую верховенство силы над правом, с сопутствующей милитаристской риторикой. Эти попытки опереться на инерцию прошлого сродни желанию опереться на пустоту, воспринимаемую как твердую и надежную историческую почву. И потому сопровождаются они такой степенью деградации властвующих и привластных групп, каковой в России еще не наблюдалось. Ханна Арендт в свое время назвала эту последнюю стадию политического и морального разложения *утратой лицемерия*, которое, как принято считать, есть дань, которую порок платит добродетели. Сегодня нам демонстрируют порок, ничем не прикрытый, порок как норму существования.

Мы живем в эпоху затухания российской цикличности милитаризаций-демилитаризаций, что было наглядно явлено распадом в мирное время сверхдержавной военной империи. Но оно, затухание это, плохо осознается. А плохо осознается, быть может, еще и потому, что в продолжающуюся сегодня послесталинскую эпоху воспроизводится послепетровская цикличность реформ-контрреформ, «оттепелей»-«подмораживаний», характерная для демилитаризаторских циклов.

Исторические аналоги того, что происходит на наших глазах, можно при желании отыскать во времена того же Павла I или Николая I. В те времена самодержавная система пробовала укреплять свою консолидирующую и стимулирующую развитие субъектность принудительным дисциплинированием элиты и возведением, по выражению графа Уварова, «умственных плотин». Плотин, призванных преградить проникновение в страну европейских идей. Но стратегически ведь и тогда эти «подмораживания» оказались несостоятельными — почему же они могут стать спасительными при нынешних, несопоставимо более сложных обстоятельствах?

Страна подошла к той точке, когда альтернативы добровольно-контрактному типу социальности и правовому государству у нее нет. Альтернатива ему — деградация на всех уровнях. А чтобы понять это, нужно соответствующее не только политическое, но и историческое сознание, соотносящее прошлое и настоящее с образом желаемого и возможного будущего.

– **Это вы о ком? О власти?**

– Это я об обществе. Ему предстоит вместо прежнего утопического идеала одной на всех правды, уже, похоже, изжитого, обрести до сих пор отсутствующее у него невоенное понятие об общем интересе. Интересе, не подавляющем многообразие интересов частных и групповых, а позволяющем им мирно сосуществовать и конкурировать, но именно потому не могущем быть кем-то монопольно представленным. Или не обрести, но тогда...

– **Спасибо!**

Об обещанных прорывах и зачистках (22 марта). Сообщают, что в высоких сферах напряженно ищут практические способы выполнения обещаний президента, данных им избирателям в бытность кандидатом в президенты. Мне это интересно, учитывая, что эти обещания сочетались с призывом осознать текущее состояние страны, ее технологическое отставание, ставящее под угрозу ее безопасность и суверенитет. Было сказано также, что преодолеть его предстоит посредством прорыва, сопровождаемого зачисткой в отношении тех, кто к прорыву не расположен. Это интересно, потому что история прежних догоняющих прорывов сегодня ничему уже научить не может, сегодня может идти речь только о создании в стране конкурентной инновационной среды, мотивирующей на постоянное обновление, чего прежние прорывы не предусматривали, а потому и не обеспечивали. То есть, обещано, насколько мог понять, радикальное преобразование не в масштабах эпохи, а в масштабах всей предшествующей российской истории. Ибо иначе угрозы безопасности и суверенитету отвести от России считается невозможным. Поэтому и жду с нетерпением конкретизации. Но пока дождался только предупреждения Кудрина, что без преобразования государства и государственного управления любые обещанные прорывы останутся благим пожеланием. Что сначала нужен прорыв на этом направлении, и времени на него не больше двух лет [Кудрин 2018]. Прочитал, и стало еще интереснее. А тут еще выясняется, что до преобразований государства прорыв и зачистка востребованы на мусорном фронте⁸.

О стратегиях выживания (23 марта). Некоторое возбуждение оппозиционных политических эмоций послесовало за протестными акциями жителей Волоколамска. В народе, мол, есть ресурс недовольства властью, он накапливается и уже дает о себе знать. Думаю, что такой ресурс есть, и он может проявляться в случаях, когда под угрозой оказывается привычная жизненная стратегия. Народ готов прощать начальству все, в чем считает его виновным, если при нем обеспечивается выживание, но не настроен ради него или из-за него умирать. Пенсионеры тоже в свое время стали перегораживать федеральные автотрассы, напуганные тем, что монетизация льгот оставит их без лекарств. Но это не протест против повседневной рутины выживания, а ее защита. Как и голосование 18 марта. К этому настроению апеллирует и переизбранный на новый срок президент: улучшения, конечно, будут, надежду на них сохраняйте, но быстро их не ждите [Путин 2018b]. Их и не ждут. Про императивность технологического прорыва — это же не для населения, это для мобилизации самой власти, ощутившей угрозу собственному выживанию не столько из-за технологического отставания, сколько из-за его непредсказуемых последствий. Из-за того, как сказал однажды президент,

⁸ 21 марта 2018 г. в подмосковном городе Волоколамске в результате сильного выброса сероводорода из городского мусорного полигона «Ядрово» произошло отравление более 50 детей, что вызвало массовые протестные акции горожан с требованием закрытия свалки.

что технологическое лидерство в какой-то момент может превратить внешнеполитических оппонентов во властелинов мира.

Об этической норме (24 марта). Интересно же не то, что поведение депутата Слуцкого солидарно объявлено другими народными избранниками, а потом деканом Третьяковым этической нормой⁹. Интересно, войдет ли эта норма в официальный перечень «наших традиционных ценностей» или останется привилегией в кодексе сословной элитной чести.

О Волоколамске и Кемерово¹⁰ (25 марта). Источник угроз безопасности людей не во вне, как им внушают, и во что они верят, а внутри. Он в профессиональной и моральной деградации тех, кто за безопасность отвечает, прикрытой вертикальной лояльностью. Поэтому и телевидение может позволить себе о трагических плодах этой деградации оперативно не сообщать, будучи одним из ее звеньев, одним из этажей этой вертикали, ответственным за сокрытие внутреннего источника опасности и обучение народонаселения бдительной сосредоточенности на источниках внешних. Завтра, конечно, что-то покажут и расскажут, но сегодня воскресенье, высокие кураторы отдыхают, начальники кураторов тоже, руководящих указаний не поступает, а телевизионщики настолько независимы от собственного мнения и профессиональных стандартов журналистики, что о трагедии в своей стране, известной уже всему миру, предпочитают отмалчиваться.

О государственной реакции на большую беду (27 марта). Беда приоткрывает кое-что в психологии тех, кто прямо или косвенно в ней повинен¹¹.

Они склонны выражать великую благодарность высшему начальству за проявленное внимание к трагедии на их территории, возводя его в ранг великого одолжения, и сочленять благодарность с прощением о прощении за случившееся.

Они склонны считать и заверять это начальство в том, что трагедия на общественную атмосферу негативно не повлияла, а люди, организовавшие против них митинг, — малочисленное оппозиционное «воронье», никакими родственными узами с жертвами трагедии не связанное, а митинг инициировавшее, чтобы решать собственные проблемы [Совещание о ликвидации... 2018].

Они склонны порицать митингующих за обличительные речи, объясняя им и с ними солидарным, что «пиар на горе» никого не красит, и не испытывают неловкости, когда порицаемым оказывается человек, у которого беда унесла всю семью [В Кемерово чиновник... 2018].

Они стараются, по возможности, избегать прямых контактов с митинговой стихией, предпочитая им индивидуальные контакты с пострадавшими (в больницах) или с родственниками погибших, где можно выступать не в роли виновных, а в роли заботливых опекунов и говорить не на языке чувств, а на языке житейских интересов.

У них, можно сказать, государственный подход к трагедиям, при котором главное — не позволить эмоциям поколебать порядок, трагедии провоцирующий, и заверить высшее на-

⁹ 21 марта 2018 г. комиссия Государственной думы по этике заявила, что не имеет претензий к поведению депутата Л. Слуцкого, публично обвиненного тремя журналистками в сексуальных домогательствах, а декан факультета журналистики МГУ В. Третьяков, выступая перед студентами, назвал такие домогательства допустимыми.

¹⁰ 25 марта 2018 г. в результате пожара в кемеровском торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня» погибли 64 человека, большинство которых дети. Трагедия произошла в полдень, но в течение всего дня и вечера федеральная власть и федеральные телеканалы на нее не реагировали.

¹¹ Текст написан под впечатлением информации о поездке В. Путина в Кемерово 27 марта 2018 г. и проведенном им совещании с руководителями области и города. В тот же день в Кемерово проходил стихийный митинг горожан, который продолжался 11 часов, и на котором люди требовали отставки губернатора А. Тулеева и других должностных лиц. На митинге присутствовали высокопоставленные местные чиновники; Путин и Тулеев на него не пришли.

чальство в своей для этого годности. А у высшего начальства тоже государственный подход, не только не предполагающий контакта с митинговыми эмоциями, но от эмоций, похоже, освобождаемый вообще. Они вытесняются рациональным обоснованием претензий и требований к подчиненным: «мы говорим о демографии и теряем столько людей» [Совещание о ликвидации... 2018].

Возможно, боязнь оказаться не соответствующими демографической политике государства на сохранение и увеличения численности народонаселения кажется более сильным и надежным мотиватором для управленцев, чем ощущение ими самоценности любой человеческой жизни и приоритетности ее сбережения.

О силе самообмана (2 апреля). Появляются новые поводы говорить о кризисе политической мысли, об особенностях его протекания. Когда в привычные термины политического знания реальность слишком уж очевидно не укладывается, возникает соблазн упаковать ее в термины из других областей, не замечая, как она вываливается и из них и предстает еще более туманной и еще менее в своей конкретности понятной, чем под сеткой терминов привычных. Но такая познавательная реакция на кризис мысли может облегчать мыслящей публике жизнь в том смысле, что создает иллюзию прорыва в непознанное. Самообман относительно постижения непостижимого посредством его терминологического переодевания — сильная мотивация, позволяющая снимать болезненное ощущение интеллектуального тупика и обрести ощущение его прорыва и перспективы поступательного интеллектуального движения в самом этом тупике, который таковым уже не воспринимается.

О противодействии культурным константам (4 апреля). Есть повод вернуться к теме ментальности. По данным социологов Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Россия заметно выделяется среди других стран недоверием людей к государственным институтам и другим людям. Что не менее оригинально коррелирует с установкой на решение жизненных проблем через неформальные личные связи (опросы фиксируют их существенное увеличение в последние годы) и...верой в чудодейственные институтозамещающие возможности техники, человеческим слабостям не подверженной (судья-робот был бы лучше судьи-человека) [Сегодня президент... 2018]. По-моему, все это — с добавлением сверхдоверия президенту — именно про доминирующую ментальность. Однако сами социологи так не считают, настаивая на том, что изучают не какие-то придуманные и потому третируемые ими культурные константы, а многообразные и изменчивые индивидуальные стратегии и поведенческие практики. Любопытный феномен. Понуждающий, между прочим, исследователей исключать президентский рейтинг, который многообразие смазывает и существенным колебаниям не подвержен, из числа показателей, имеющих какой-либо социологический смысл.

О конкурентной среде (6 апреля). Президент провел вчера заседание Госсовета по развитию конкуренции. Сказал, что дело с ней обстоит в стране неблагоприятно. Сказал, что без конкурентной среды никакого прорыва быть не может [Заседание Госсовета... 2018]. Не сказал, что такая среда означает высвобождение бизнеса из-под опеки бюрократии, его независимость от нее при зависимости только от права и правоприменения, тоже зависимого только от права. Государственная система такого не предполагает, наличие экономически независимого от нее массового предпринимательского слоя ей противопоказано. Следовательно, предполагается инкорпорирование в нее конкурентного начала вопреки ее природе. Но то, что вопреки, природа отторгает. Один из выступавших — г-н Жириновский — в этом смысле и высказался: не надо, мол, играть нам в чужие игры, расширяя пространство свободы для системно иноприродного эгоизма частного, проку для российской экономики от него не будет. Однако в логику прорыва это не вписывается, прорыв же, насколько могу судить, видит-

ся в скрещивании неправовой властечцентричной системы с широкой предпринимательской инициативой, и потому на г-на Жириновского не обратили внимания.

О креативе президентского помощника (9 апреля). В проектирование альтернативной цивилизации включился Владислав Сурков. Начало ее новейшего этапа, ознаменовавшего окончательное обретение ею самостоятельности и готовности к «геополитическому одиночеству», он относит к 2014 году. «...Россия четыре века шла на Восток и еще четыре века на Запад. Ни там, ни там не укоренилась. Обе дороги пройдены. Теперь будут востребованы идеологии третьего пути, третьего типа цивилизации, третьего мира, третьего Рима...» [Сурков 2018].

В чем это третье? Автор подумал и решил, что третьего не дано. «И все-таки вряд ли мы третья цивилизация. Скорее, сдвоенная и двойственная. Вмешавшая и Восток, и Запад. И европейская и азиатская одновременно, а оттого не азиатская и не европейская вполне» [Там же].

Что же в ней подлежит сохранить от Востока и что от Запада? Как этим ингредиентам предстоит сочлняться в нечто самобытно целостное? А самое интересное, что Россия же не просто так двигалась в разных цивилизационных направлениях и меняла их. В Азии и Европе она заимствовала источники развития. Надо ли полагать, что теперь она открыла источники собственные?

Г-н Сурков вроде бы так не считает, полагая, что в смысле сотрудничества с другими странами ничего не изменится. Но ведь в том же рубежном 2014-м, когда альтернативная цивилизация стала утверждать свою альтернативность покушением на мировой правопорядок, эти другие страны решили, что час изменений пробил, и стали сотрудничество свертывать. Какие у России есть способы его возобновить?

Пока они, похоже, никому, кроме г-на Суркова, не известны.

О Черномырдине (9 апреля). Черномырдину 80 лет исполнилось. Во время захвата Буденновска он решился на нетрадиционное для страны понимание ценности человеческой жизни в соотношении с престижем государства. И мало кем был понят. Когда-нибудь, может, об этом его поступке вспомнят. И сопоставят, скажем, с Бесланом. А может, не вспомнят.

О пророках разума (11 апреля). Время от времени приходят люди, уверенные, что только им ведомо, о чем и как надо мыслить, и с кем и о чем полезно дискутировать, а с кем и о чем зазорно. Счастливые: постигли смысл и цель всеобщего бытия и знают, как надо. И пафос, соответственно, пророческий. А ФБ-паства, подавленная таким умственным превосходством, робко отмалчивается, продолжая думать о том, что ей кажется важным. Но пророкам разума на миру и в одиночестве комфортно.

О событиях четырехлетней давности (12 апреля). Четыре года назад с вооруженного захвата отрядом Гиркина-Стрелкова украинского города Славянска началась донбасская война. После чего Стрелков на несколько месяцев стал символом доблести и героизма в глазах российской патриотической общественности. Есть повод повторить: в войне и ее жертвах виновен тот, кто ее начал.

О делах чести (12 апреля). Г-н Сечин пришел в суд, где рассматривается апелляционная жалоба на приговор г-ну Улюкаеву, назвав свой визит «делом чести» [Неожиданный свидетель... 2018]. В суд первой инстанции он четырежды не являлся по повестке, объясняя это отсутствием возможности. То есть, тогда были, очевидно, дела поважней, чем дело чести. А теперь суд счел ее соблюдение г-ном Сечиным прецедентом столь важным и деликатным, что от глаз и ушей публики объявил заседание закрытым.

О зрячих и слепых (13 апреля). Наведался поговорить человек, объявивший себя «смотрящим на мир двумя широко открытыми глазами». Сообщил, что оба глаза свидетельствуют о том, что донбасская война имеет главной причиной киевский «майдан-переворот».

На возражение и просьбу обосновать точку зрения, совпадающую с официальной российской, ответил, что ему это не интересно, ибо бесполезно пробовать убеждать в чем-то тех, у кого оба глаза на мир раскрыты недостаточно широко. Зовут человека Александр Д. Эпштейн, он доктор наук, социолог и политолог, живет в Израиле, но часто бывает в Москве, где приглашается на ТВ, где, в свою очередь, сообщает публике об украинском националистическом аде с такой энергией и таким пафосом, каковыми природа не одарила даже Соловьева. Два широко открытых глаза на расстоянии позволяют рассмотреть то, что никому больше недоступно и вблизи. И эти же широко раскрытые глаза скользят мимо российской политики на украинском направлении. Будто и нет ее, политики этой. Наверное, очень комфортное самоощущение: считать себя видящим мир, каков он есть, видя в нем только то, что требует мозг, а видящих еще и нечто иное воспринимать зрением больными.

О национальном достоянии (14 апреля). Добрые люди объясняют властям, как плохо для их же репутации уничтожать национальное достояние. Добрые люди не знают, что во властечетричном социуме на статус национального достояния может претендовать лишь то, что обслуживает эту властечетричность. И интересы населения в нем могут учитываться только как в отношении этой властечетричности вторичные.

О народных представлениях о государстве (15 апреля). За шесть с лишним лет в Фейсбуке многожды приходилось читать суждения о том, что устройство государства должно соответствовать собственным, а не заемным представлениям и ценностям основной массы населения. А теперь вот опять стали появляться. Но что конкретно имеется в виду, так и непонятно.

Представления и ценности населения в какой-то степени олицетворяли Разин и Пугачев, обещавшие обустроить государство по образцу казачьего войска.

Представления и ценности населения выражал атаман Антонов, обещавший перенести в повседневность безгосударственный идеал самоуправляющихся общин.

Представления и ценности населения выражали иваново-вознесенские ткачи, выдвинувшие и реализовавшие идею советов, объединявших законодательную и исполнительную власть.

Ну и еще эти представления и ценности можно обнаружить в решениях Земского собора 1613 года.

Никаких других представлений и ценностей, имеющих отношение к устройству государства, от народа вроде бы не исходило. И каким из них должна соответствовать российская государственность? Или стали известны и имеются в виду какие-то другие?

О системе подонков (16 апреля). Не люблю сильные выражения, почти никогда их не использую, но в данном случае другие неуместны. Предпринимателя Валерия Пшеничного, сообщившего о хищениях денег при строительстве подводной лодки, арестовали и зверски запытали до смерти в одном из петербургских СИЗО [Позвоночник сломан... 2018]. По отзывам сведущих людей, уникального дарования был конструктор и изобретатель. Правоохранительная система подонков.

О критике абсурда (17 апреля). Клеймят и высмеивают тотальный абсурд, транслируемый сверху вниз и отзывающийся встречным запросом на абсурдизацию снизу. Не замечают, однако, что это способ государственного упорядочивания такой выбран за неимением иного проекта и его субъектов. Он, кстати, предусматривает обратную связь не только в виде низового отклика на управленческие сигналы сверху, но и в виде того, например, что случилось в Кемерово. Не в том смысле предусматривает, что в планы закладывает, а в том смысле, что обходится без механизмов упреждения рукотворных трагедий. В такие моменты порядок этот на обличения вынужден реагировать, но устои его они не колеблют, ибо в нем отработаны методики успешного уподобления недовольства государственной измене. А с рутинными

сетевыми уколами и упражнениями в иронии он научился сосуществовать без напряжения — такое расходование умственной и эмоциональной энергии его устраивает.

О свободе слова (17 апреля). Дискутируют о том, допустимо ли приглашать для участия в академической дискуссии людей, вроде Стрелкова-Гиркина [О принуждении... 2018]. Некоторые считают, что допустимо, и обосновывают это принципом свободы слова. Разумеется, при условии, что академическим суждениям человека, вроде Стрелкова-Гиркина, будут противопоставлены академические суждения оппонентов, а сам человек, вроде Стрелкова-Гиркина, не переступит границу между академическим суждением и пропагандой.

Я не против того, что любой принцип, считающийся универсальным, должен распространяться на всех. Но отдаю себе отчет и в том, что из этого следует. А из этого следует, что его должно соблюдать везде, где он универсальным признан. Не только, скажем, в Москве, но и в Киеве. И если украинская академическая публика вознамерится обсуждать, например, вопрос о границах насилия в политике, то человек, вроде Стрелкова-Гиркина, имеет такое же право быть на обсуждение приглашенным, как и любой другой, имеющий что сказать по теме.

Однако, украинцев такая мысль не осеняет и предметом дискуссии у них не становится. Думаю, что и впредь не осенит и не станет. Почему — как думаете? Потому ли, что Украине, как считают многие в России, чуждо мышление всечеловеческими универсалиями, России якобы присуще, что она, Украина, ментально застряла в домодерном партикуляризме? Или не поэтому?

О счастливых новаторах (20 апреля). Среди тех, кому слегка завидую, — уверовавшие в свою новаторскую идею и ее адекватность прошлым, настоящим и будущим реалиям настолько, что никаких возражений насчет соответствия их умозрений фактам не слышат, а потому и не реагируют. Очень хотят, чтобы с ними дискутировали, но вслушиваться в критические голоса не расположены, ничего, кроме ретроградства и недостаточно полного и досконального изучения новаторских сочинений, в голосах этих не улавливая, и улавливать заведомо не намереваясь. При этом будучи уверенными, что никто в мире их не опровергнет, ибо опровергнуть невозможно, что идея их медлит с обретением всеобщего признания только потому, что не было и нет людей, готовых ее признать, а с историческим воплощением — только потому, что не было и нет людей, способных ее безошибочно и последовательно воплощать. Ну и снисходительно похлопывают по плечам оппонентов, сломленных их напористой глухотой и тихо отошедших в сторону: потому, мол, и молчат, что сказать нечего, потому и увиваются от вопросов, что не могут на них ответить. Запоминаю, что никаких таких вопросов не задавали. Так что да, завидую. В том числе и потому, что неподражаемо, как и все уникальное.

О философской точке зрения (21 апреля). Самобытный политический мыслитель написал, что все неприятности и ненормальности России всегда проистекали и проистекают из исторических случайностей. Что с философской точки зрения правильно мыслить именно так. Не будь этой чреды случайностей, все было бы не иначе, чем у других. С философской точки зрения какая-то случайная страна получается.

О Путине и Петре (22 апреля). Коллеги обсуждают текст Александра Морозова, написавшего, что Путин продолжает дело Петра I [Морозов 2018]. В том смысле, что сочленяет авторитарные методы правления с заимствованием западных технологий — будь-то в выстраивании банковской системы или подобию рациональной бюрократии. Не уверен, что это продуктивная для понимания происходящего ретроспекция.

Петр — это исток и вектор целой эпохи, продолжавшейся до 1917 года. Это заложенный им и после него углублявшийся культурный дуализм вестернизированного социального «верха» и самобытно-традиционалистского социального «низа», сломавший допетровскую

культурную гомогенность. В XIX веке ее пробовали восстанавливать, но в том не преуспели, и она была принудительно восстановлена на новый лад уже в новой, большевистской Москве, где преемственность с делом Петра по-прежнему декларировалась, но вестернизаторство, как культурный принцип, было приравнено к крамоле. Что не препятствовало заимствованию западных технологических новаций, которые предписывалось считать собственными достижениями, и опоре на высокую культуру петербургской эпохи — европейской по истокам, но идеологически утилизованной и вмонтированной в советскую гомогенность.

А путинскому режиму, идеологически не оснащенному, и в этой гомогенности не уютно, что подвигает его на вытравливание из этой культуры многого из того, что в советские времена опасений не вызывало, с сопутствующими апелляциями к традиционным ценностям и гомогенности допетровской. Западные технологические и организационные новшества это в определенных пределах перенимать не мешает, как не мешало и задолго до Петра, когда вестернизаторство, как потом и при большевиках, считалась крамолой. Интересно, кстати, что не сегодня, а еще в XVI веке европейские правители впервые озаботились тем, что заимствования эти могут быть использованы против них.

О легализации подпольного (24 апреля). В который раз зашел разговор о сходстве и отличиях советского и постсоветского человека. Сходство, думаю, в том, что первый и второй — социальные продукты легализации этически подпольного. А отличие в том, что второй — продукт существенно большей меры этой легализации.

О призывах к тому, чтобы одуматься (30 апреля). Новые веяния: отдельные российские системные политологи, уstraшенные перспективами вернувшейся холодной войны, обращаются с призывами одуматься и, пока не поздно, остановиться [Ципко 2018; Кортуннов 2018a; 2018b; Познер 2018]. Кто-то обращается к российским властям, кто-то и к ним, и к западным политическим экспертам, а через них и к западному истеблишменту.

Хорошо бы, конечно, одуматься и остановиться. Но плохо представляю себе, как это можно сделать при несовместимом понимании действующих норм международного права. И советов не слышно насчет того, каким мог бы между этими несовместимостями быть компромисс.

Логика бескомпромиссности предзадана ситуацией, созданной Россией в 2014 году. И логика заимствования передового опыта тоже. Если, скажем, одна из сторон позволяет себе участвовать в войне на чужой территории, объявляя себе в ней не участвующей («нас там нет»), то этим новым тактическим оружием может воспользоваться и другая сторона. Похоже, уже пользуется.

Против призывов к тому, чтобы одуматься и остановиться, возражать, конечно, неразумно. Но такие призывы поверх главного вопроса о том, как при этом совместить несовместимости, вряд ли станут для кого-то руководством к действию.

Андреева Н. 1988. Не могу поступаться принципами. — *Советская Россия*. — 13 марта.

В Кемерово чиновник... 2018. В Кемерово чиновник обвинил потерявшего семью при пожаре в «пиаре на горе». — *Газета.ru*. — 27 марта. — Доступно: https://www.gazeta.ru/social/news/2018/03/27/n_11338219.shtml. — Проверено: 16.05.2018.

Встреча В.В. Путина с доверенными лицами... 2018. Встреча В.В. Путина с доверенными лицами. — *Сайт Владимира Владимировича Путина*. — 30 января. — Доступно: <http://putin2018.ru/press/putin-vstrecha/>. — Проверено: 16.05.2018.

Заседание Госсовета... 2018. Заседание Госсовета по вопросу развития конкуренции. — *Президент России*. — 5 апреля. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/57205>. — Проверено: 16.05.2018.

Заседание наблюдательного совета... 2018. Заседание наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив. — *Президент России*. — 7 марта. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57008>. — Проверено: 16.05.2018.

Клямкин И. *Затухающая цикличность. Интервью интернет-журналу «Гэфтер», опубликованное 6 ноября 2012 г. Вопросы задавали Ирина Чечель и Александр Марков*. — Доступно: <http://gefter.ru/archive/6660>. — Проверено: 16.05.2018.

Кортунов А. 2018а. Пути выживания в окопной войне. О российской внешней политике в условиях противостояния с Западом. — *Коммерсант*. — 20 апреля. — Доступно: <https://www.kommersant.ru/doc/3607353>. — Проверено: 16.05.2018.

Кортунов А. 2018б. Чего ты хочешь, Джон? К чему приведет противостояние России и США. — *Карнеги.ру*. — 26 апреля. — Доступно: <https://carnegie.ru/commentary/76145>. — Проверено: 16.05.2018.

Кудрин Л. 2018. Три задачи на два года. — *Коммерсант.ру*. — 21 марта. — Доступно: <https://www.kommersant.ru/doc/3579103>. — Проверено: 16.05.2018.

Морозов А. 2018. *Текст в Фейсбуке от 21 апреля*. — Доступно: <https://www.facebook.com/profile.php?id=1367268883>. — Проверено: 16.05.2018.

Неожиданный свидетель... 2018. Неожиданный свидетель: почему Сечин пришел в суд над Улюкаевым. — *РБК*. — 12 апреля. — Доступно: <https://www.rbc.ru/politics/12/04/2018/5acf75289a794775705fa038>. — Проверено: 16.05.2018.

О принуждении... 2018. О принуждении к единодушию. — *COLTA*. — 16 апреля. — Доступно: <http://www.colta.ru/articles/society/17774>. — Проверено: 16.05.2018.

Песков рассказал... 2018. Песков рассказал о том, что Путин не любит больше всего. — *ТАСС*. — 18 января. — Доступно: <http://tass.ru/politika/4882494>. — Проверено: 16.05.2018.

Позвоночник сломан... 2018. Позвоночник сломан, следы от кипятильника во рту. Предпринимателя Валерия Пшеничного пытали, изнасиловали, а потом убили в камере петерского СИЗО. — *Новая газета*. — 16 апреля. — Доступно: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/04/16/76202-pozvonochnik-sloman-sledy-ot-kiipyatilnika-vo-rtu>. — Проверено: 16.05.2018.

Познер В. 2018. В течение этого месяца мы были на грани войны. — *Эхо Москвы*. — 28 апреля. — Доступно: <https://echo.msk.ru/blog/pozner/2192960-echo>. — Проверено: 16.05.2018.

Послание Президента... 2018. Послание Президента Федеральному Собранию. — *Президент России*. — 1 марта. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>. — Проверено: 16.05.2018.

Путин В. 2000. «Открытое письмо» избирателям. — *Президент России*. — 25 февраля. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24144>. — Проверено: 16.05.2018.

Путин В. 2018а. Интервью американскому телеканалу NBC. — *Президент России*. — 10 марта. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57027>. — Проверено: 16.05.2018.

Путин В. 2018б. Обращение к гражданам России. — *Президент России*. — 23 марта. — Доступно: <http://kremlin.ru/events/president/news/57121>. — Проверено: 16.05.2018.

Путин: Обращение к Севастополю и Крыму... 2018. Путин: Обращение к Севастополю и Крыму 14 марта 2018. — *YouTube*. — 14 марта. — Доступно: <https://www.youtube.com/watch?v=3mbEiaDyYiA>. — Проверено: 16.05.2018.

Сегодня президент... 2018. «Сегодня президент — не политический, а сакральный институт». Интервью социолога Виктора Вахштайна — о том, кому доверяют россияне. — *Meduza*. — 27 марта. — Доступно: <https://meduza.io/feature/2018/03/27/segodnya-prezident-ne-politiches-kiy-a-sakralnyu-institut>. — Проверено: 16.05.2018.

Сергей Лавров открыл Америку... 2017. Сергей Лавров открыл Америку в каждом кризисе. Министр подвел международные итоги прошедшего года. — *Коммерсант.ru*. — 16 января. — Доступно: https://www.kommersant.ru/doc/3520850?from=doc_vrez. — Проверено: 16.05.2018.

Собчак предложила провести референдум... 2018. Собчак предложила провести референдум по Крыму в России и Украине. — *YouTube*. — 7 февраля. — Доступно: <https://www.youtube.com/watch?v=Zj7qxSsi0RQ>. — Проверено: 16.05.2018.

Совещание о ликвидации... 2018. Совещание о ликвидации последствий аварии в Кемерово. Стенограмма. — *ОТР*. — 27 марта. — Доступно: <https://otr-online.ru/news/prezident-rovel-soveshanie-101048.html>. — Проверено: 16.05.2018.

Соловьев В. 2018. Миропорядок — 2018. — *ВКонтакте*. — 7 марта. — Доступно: https://vk.com/wall369668349_14007. — Проверено: 16.05.2018.

Сурков В. 2018. Одиночество полукровки. — *Россия в глобальной политике*. — 9 апреля. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477>. — Проверено: 16.05.2018.

Что есть цивилизационный код России... 2018. Что есть цивилизационный код России? — *Что делать?* — 28 января. — Доступно: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20917/episode_id/1632867/video_id/1774326/. — Проверено: 16.05.2018.

Ципко А. 2018. Из осажденной крепости — напрямик к всевластию. — *Московский комсомолец*. — 20 апреля. — Доступно: <https://www.pressreader.com/russia/moskovski-kom-somolets/20180420/281582356226163>. — Проверено: 16.05.2018.